

ЕЛЕНА ЧУМАКОВА

Миллинери

роман

18+

Елена Чумакова

Милинери

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чумакова Е.

Милинери / Е. Чумакова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-96072-5

Действие романа происходит в период 1914—1961 годов. Судьба Сонечки Осинцевой, выпускницы института благородных девиц, казалось бы, predetermined рождением, если бы не разразившиеся войны и революция. Семья Осинцевых вынуждена эмигрировать. Волей случая на борт корабля, отплывающего из Ялты, попадает только Софья. Девушка оказывается навсегда оторванной от семьи. Выжить в чужой стране помогает случайный попутчик. Но кем он окажется? Какие цели преследует? Как сложится судьба эмигрантки?

ISBN 978-5-532-96072-5

© Чумакова Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Смолянка	6
Глава 2. Лето в имени	10
Глава 3. Госпиталь	15
Глава 4. Петроград	20
Глава 5. Бегство	24
Глава 6. Ялта	29
Глава 7. Константинополь	33
Глава 8. Двуликий Янус	37
Глава 9. «Прелести» семейной жизни	42
Глава 10. Путь к свободе	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Чумакова Милинери

И вот тогда ты всё поймёшь,

Тогда ты сердцем всё увидишь.

И встретишь ты, когда не ждёшь,

И обретёшь не там, где ищешь.

Сергей Есенин.

Глава 1. Смолянка

После целой череды сереньких дней, когда с нависших над городом туч сыпалась и сыпалась дождевая пыль, а пронизывающий ветер с Финского залива выметал с улиц праздную публику, над Петербургом выглянуло солнце. И город преобразился! Непокойные воды Невы перекрасились из серого в голубой цвет, а над ними засияли золотые купола соборов, шпили Адмиралтейства и Петропавловки. В промытой лазури неба поплыли легкие облачка, по проспектам покатались открытые коляски с беспечными седоками, а дорожки Летнего сада заполнились нарядными дамами, и ветерок кокетливо заигрывал то с выбившимся из-под шляпки локоном, то с оборками платья. Северная столица оживилась в предвкушении долгожданного лета.

Перед парадным подъездом Смольного царил суета. Один за другим прибывали экипажи. Мужчины галантно раскланивались, помогали выйти своим спутницам. Дамы поправляли мантильи, оценивая разглядывали чужие наряды. С минуты на минуту ожидалось пришествие Государя Императора.

А из окон дортуаров[1] на третьем этаже за гостями с волнением и любопытством наблюдали главные участницы предстоящего действия – воспитанницы старшего класса института благородных девиц. Для них наступил волнительный день публичных экзаменов. Долгих девять лет шли они к этому рубежу, после которого для каждой начнется новая жизнь. В ней не будет больше прогулок строем под неусыпным взглядом надзирательниц, не будет общих дортуаров и холодных коридоров Смольного, не будет жестких институтских порядков. А что будет в этой незнакомой, вольной жизни, которую девушки видели только из окон, не знала ни одна, но каждая верила, что ее обязательно ждет большая любовь, как в романах, которые они читали тайком, и жених непременно будет красив, знатен и богат. И уж конечно, все беды и несчастья обойдут их стороной. Счастливое в своем неведении время надежд в жизни каждой девушки.

– Медам[2], немедленно отойдите от окон, это неприлично! Где ваши хорошие манеры?! Осинцева, у вас опять растрепалась прическа! Как Вы собираетесь предстать перед Государем с такой головой?! Немедленно приведите себя в порядок! – раздался визгливый голос классной дамы, прозванной за свои округлые формы и светло-рыжие волосы Кукурбитой, что в переводе с латыни означало тыкву. Прозвище приклеилось к ней намертво и передавалось среди смолянок из поколения в поколение.

Софья Осинцева, жизнерадостная кареглазая девушка с ямочками на округлых щечках, была похожа на только-только распустившийся цветок пиона, такая же крепенькая и очаровательная в своей легкой взъерошенности. Ее пушистые каштановые волосы обладали особой способностью выбиваться из прически, что вызывало постоянные нарекания со стороны воспитателей.

Как только взволнованная возложенной на нее ответственностью Кукурбита покинула дортуар, Сонечка отозвала в сторонку подругу Оленьку Чекмареву, светловолосую девушку с глазами олененка.

– Смотри, что у меня есть, – с заговорщицким видом Соня вытащила из-под подушки сложенную вчетверо страничку, вырванную из модного журнала, белую атласную ленту и шпильки, – сможешь соорудить мне такую прическу?

– Тебе влетит, Кукурбита заставит заплести косу, – с сомнением ответила Оленька, разглядывая картинку.

– Не успеет, экзамен вот-вот начнется. Не станет же она задерживать начало из-за моей несчастной головы. А потом нас здесь уже не будет!

– Красиво.... А давай попробуем!

Оля быстро расплела Сонину косу, связала концы волос лентой, свернула валиком на затылке, закрепила его шпильками, уложила ленту вокруг головы. В пять минут прическа была готова.

– У тебя золотые ручки! Я тебя обожаю! – восхищенно выдохнула Соня, разглядывая себя в зеркальце.

– Ах, смотрите, смотрите! Молодой граф Леманн пожаловал! Ну какой же он душка! – воскликнула Елена Армфельт, признанная красавица класса. Девушки вновь кинулись к окнам.

Александр Леманн был одним из самых завидных женихов Петербурга, о нем говорили «блестящий молодой человек с большим будущим». Девушки догадывались, что он приехал на публичный выпускной экзамен смолянок вовсе не из праздного любопытства, и поэтому не одно сердечко забилося в волнении.

– Ну что вы, право, как модистки, виснете на окнах? – небрежно пожала плечиком Зина Бежанович. Она единственная спокойно сидела в сторонке, листая томик стихов. Темные кудри обрамляли нежное лицо с выразительными черными глазами, но в глубине этих красивых глаз таился опасный огонек, и те, кому удавалось его заметить, держались с ней осторожно.

Граф Леманн прибыл не в экипаже, как большинство гостей, а в автомобиле, что было особым шиком. И пока девушки разглядывали сверху это чудо техники и его владельца, к крыльцу Смольного подкатил, сигналив клаксоном, еще один автомобиль – «mercedes» с открытым кузовом, в котором восседал сам Государь император Николай Александрович с императрицей Александрой Федоровной и старшими дочерьми.

В дортуар вновь влетела взволнованная Кукурбита.

– Медам, строиться, – захлопала она в ладоши.

В последний раз окинула придирчивым взглядом девушек в белых форменных платьях с белыми же пелеринами. При взгляде на Соню брови ее удивленно поползли вверх.

– Это что еще за сооружение? Кто позволил?!

– Вы же, Анна Даниловна, велели поменять прическу, – смиренно потупила взор Сонечка.

Как и рассчитывала девушка, времени на разборки у Кукурбиты уже не было.

– Не морочь мне голову, Осинцева, я просто велела аккуратно причесаться, – только и сказала она.

В последний раз девушки прошли строем по гулким сводчатым коридорам Смольного, спустились по парадной лестнице на второй этаж и вошли в актовй зал.

В просторном помещении все было готово к экзамену: под большим парадным портретом императрицы, являвшейся попечительницей Института благородных девиц, стоял длинный, накрытый зеленым сукном стол, за которым рассаживались члены экзаменационной комиссии. Возглавлял комиссию, по традиции, сам Николай Второй. Справа от него сели его супруга Александра Федоровна и Елена Александровна Ливен – начальница института; слева расположились преподаватели словесности, математики, естественных наук и закона Божьего. В центре зала, перед столом, рядами были расставлены стулья для выпускниц, а между колоннами занимали места родственники девушек и приглашенные гости.

Строго говоря, настоящие экзамены состоялись накануне, все оценки были уже выставлены, аттестаты заполнены, а сейчас предстояли, так сказать, показательные экзамены для гостей и царской четы. Девушки хорошо знали все ответы на подготовленные вопросы, да и сами вопросы были несложными. Их по очереди вызывали к столу и задавали по три-четыре вопроса из разных дисциплин. Услышав свою фамилию, Осинцева вышла вперед, едва сдерживая дрожь в коленках, но как только начала отвечать, волнение улеглось, и она даже была разочарована тем, что ее остановили и отправили на место, не дав продемонстрировать все свои знания.

Потом состоялось торжественное вручение аттестатов. Шесть лучших учениц получили из рук императрицы «шифр» – золотой вензель на серебристом муаровом банте. Сонечка не была в их числе, зато аттестат ей вручил сам император; в первый и, как оказалось, в последний раз она увидела Николая Второго так близко.

По окончании торжественной части царская семья удалилась, и атмосфера в зале стала гораздо более непринужденной. Поднялась легкая суета: столы и стулья убрали, свои места в конце зала заняли оркестранты. Гости поздравляли выпускниц, обменивались впечатлениями. Даже Кукурбита преобразилась. Взволнованная, промокая батистовым платочком повлажневшие глаза, прощалась она со своими, теперь уже бывшими, воспитанницами. Сонечке даже стало немного жалко ее: у девушек с завтрашнего дня начнется другая жизнь, полная интересных событий и удовольствий, а дни бедной Кукурбиты по-прежнему будут проходить в казенных стенах Смольного, и уже другие воспитанницы станут ее бояться и тихо ненавидеть. А ведь в одинокой жизни Анны Даниловны не было никого, кроме этих девушек, чужих дочерей, которым отдавала она, как умела, свою заботу.

Нестройные звуки приглашенного оркестра смолкли, и после минутной паузы полилась нежная и торжественная мелодия вальса Штрауса.

Сонечка стояла между своими родителями – графом Павлом Николаевичем Осинцевым, действительным статским советником и Марией Феокистовной, урожденной Горчаковой. Взгляд девушки был прикован к Александру Леманну, идущему через весь зал в ее сторону, кровь прилила к щекам, пальцы судорожно сжали веер. Но граф прошел мимо и пригласил Елену Армфельд. «Кто бы сомневался...» – вздохнула про себя девушка. Вслед за первой, поистине блестящей парой, и другие закружились в вальсе.

Сонечка ощутила легкий толчок материнского локтя и, обернувшись, увидела перед собой брата Николая. Улыбаясь, он оправдывался за свое опоздание на торжественную часть выпускного вечера. Парадная форма офицера кавалерийского полка чрезвычайно ему шла. Рядом с ним стоял молодой человек в такой же форме, темноволосый, невысокого роста, но очень ладный, крепкий, как скакун калмыкской породы. В чертах его лица было что-то восточное: смуглая кожа, высокие скулы, тонкие черные усики.

– Позвольте представить – мой друг барон Шафиров, штаб-ротмистр, – сказал Николай, обращаясь главным образом к сестре.

Соня взглянула на товарища брата несколько небрежно, ей нравились высокие красавцы, такие как Леманн, и она все еще была разочарована. Во взгляде черных, как угольки, глаз она увидела легкую усмешку, словно барон прочитал ее мысли, и смутилась.

– Можно просто Серж, – улыбнулся он барышне, затем повернулся к ее родителям, учтиво спросил Марию Феокистовну:

– Вы позволите пригласить Вашу дочь на тур вальса?

И, заручившись ее согласием, предложил девушке руку. Соня медлила, но он чуть слышно сказал:

– Вальс в разгаре, все ваши подруги уже танцуют.

Это было правдой, в середине зала кружилось много пар. Мимо пронесся Николай, успешный пригласить Зиночку Бежанович, за ними Леманн с Еленой. Соня поняла, что рискует остаться без первого вальса. Простоять у колонны на первом балу – что может быть ужаснее для девушки? И сказав «цыц» своим чувствам, она приняла приглашение.

Серж оказался прекрасным партнером, его сильные руки легко кружили Сонечку в вальсе. Он быстро и ловко лавировал между других пар, и она слегка волновалась: как бы ни споткнуться, ни запутаться в подоле собственного платья у всех на виду.

– Вы прекрасно танцуете, мадемуазель! – ободряюще шепнул барон ей на ушко, угадав ее волнение. Его дыхание приятно щекотало открытую шейку Сони, рука надежно обхватывала талию, и ей вдруг стало весело и свободно, хотелось кружиться и кружиться, чтобы мелькали

мимо колонны, портреты, чужие лица, наряды, и не стало никакого дела до графа и вообще до всех присутствующих. Но музыка смолкла, Серж лихо развернул ее в последнем па так, что взметнулся подол юбки. Ее обрадовало, что он не отклонялся, а остался стоять рядом.

Во время мазурки они улыбались, находя друг друга взглядами. В какой-то момент Соня оказалась в паре с Леманном, его глаза скользнули по ней равнодушно, и она была рада, когда напротив нее появился Серж. Во время танца лента, удерживающая прическу Сонечки, предательски зацепилась за эполет штаб-ротмистра. Он тут же остановился и отцепил ее, шепнув в розовое ушко:

– Надеюсь при следующей встрече получить эту ленту в подарок из Ваших милых ручек в качестве трофея.

Несмотря на этот маленький инцидент, Соне было весело, но прическа растрепалась, и по настоящию матушки бал пришлось покинуть. Николая увлеченно танцевал с Зиночкой, поэтому проводить до экипажа семейство Осинцевых вызвался Серж. На прощание барон получил приглашение графини «бывать в их доме запросто, по средам».

– По-моему, вполне достойный молодой человек. Впрочем, у нашего Николеньки и не может быть плохих друзей, – резюмировала Мария Феокистовна, когда экипаж свернул на Смольную набережную. Павел Николаевич согласно кивнул. За долгие годы супружества он привык во всем соглашаться с женой, хотя поступал обычно по своему разумению.

Сонечка молчала. Она вдыхала легкие ароматы сирени и моря, принесенные свежим ветерком со стороны Финского залива, любовалась стройными зданиями, окутанными светлыми северными сумерками, и перебирала в памяти свои впечатления от насыщенного событиями дня.

А Серж... Что это было? Она пока не знала ответа на этот вопрос, но при мысли о нем на душе становилось радостно и немножко страшно.

[1] Дортуар – общая спальня для учащихся в закрытом учебном заведении.

[2] Медам – общепринятое обращение к девушкам в учебных заведениях дореволюционной России.

Глава 2. Лето в имении

Солнечный лучик прокрался сквозь неплотно задернутые портьеры и коснулся лица спящей Сони. Она недовольно поморщилась и, что-то пробормотав, отвернулась, спрятала голову в подушки. В комнату заглянула горничная Агафья.

Агаша всю свою жизнь прожила в имении Осинцевых. Она была немногим старше Сони, их детство прошло вместе. Дочка горничной охотно играла с маленькой барышней, заодно помогая бонне присматривать за ней. Повзрослев, девушки сохранили душевную привязанность, осознавая, тем не менее, разницу в социальном положении.

– Барышня, пора вставать, завтрак уже подан, – ласково сказала горничная.

Из подушек раздалось недовольное бормотание.

– Ваш батюшка спрашивает, не хотите ли поехать с ним смотреть дальние покосы?

Растрепанная головка приподнялась над подушками:

– В тарантасе или верхом?

– Кажется, велено седлать Вагая.

Соня рывком села, спустив на пол босые ножки в батистовых панталонах.

– Так чего же ты копаешься? Давай скорее умываться. Воду принесла теплую?

Три года назад отец, к большому неудовольствию жены, подарил Сонечке рыжую кобылку. Ласка – так называли лошадь – оказалась нрава спокойного, послушного, из всех способов передвижения предпочитала шаг или неспешную рысь. Софья полюбила прогулки верхом, но матушка категорически запретила ей выезжать одной, без сопровождения отца, поэтому она радовалась каждой возможности оседлать свою любимицу.

Солнце поднялось довольно высоко, когда Павел Николаевич с дочерью добрались до дальнего покоса. Пока отец разговаривал с мужиками, Софья, накинув повод на ветку орешника, оставила Ласку пастись, а сама пешком поднялась на ближний холм. Она хорошо знала все окрестности родительского имения, и это место было одним из самых любимых. С холма открывался чудесный вид на неспешно несущую холодные воды среди зарослей раkitника Плюссу, на освещенное неярким северным солнышком разноцветье лугов, соломенные крыши деревеньки на противоположном берегу речки, серую ленту дороги. На пригорке возле деревни сияла золоченым куполом белокаменная церковь. Она странно выделялась на фоне небогатых крестьянских дворов.

Соня опустила в высокую траву и смотрела на мир сквозь слегка колышущиеся под легким ветерком метелки овсяницы, вдыхала тонкий аромат вереска, вслушивалась в стрекот кузнечиков. Из сосновой рощи доносилось задумчивое «ку-ку... ку-ку...». Мимо неподвижно сидящей девушки деловито пробежал ежик, на мгновение замер, смешно подергивая носом, и, фыркнув, исчез в траве. Мир вокруг был гармоничен и прекрасен, а душа отчего-то волновалась, словно ждала перемен.

Сзади зашуршали шаги, Павел Николаевич присел рядом с дочкой.

– Так и знал, что ты здесь... – и вздохнул, оглядевшись, – красота-то какая!

Помолчали, подставив лица летнему солнышку. Наконец отец встал, хлопнув себя по коленкам:

– Пора домой, матушка рассердится, ежели к обеду опоздаем.

Подъезжая к дому, наши путники увидели впереди себя экипаж.

– Кажется, Николя приехал, – обрадовалась Соня и пришпорила Ласку.

Однако седоков в экипаже оказалось двое. Во втором Соня узнала Сержа и немного смутилась. Дело в том, что в их последнюю встречу она вела себя... как бы это сказать?... немного странно и теперь испытывала неловкость.

А дело было так. После выпускного бала Сонечка готовилась к очередному приему в их петербургском доме на Мойке особенно тщательно: долго выбирала платье, дважды заставила Агашу переделать прическу. Но день принес ей разочарование: тот, кого она ждала, так и не пришел. Не появился он и в следующую среду. Близился Сонечкин день рождения, после которого было решено перебираться на лето в псковское имение, и она загрустила. Николая не заводил разговора о Серже, а ей спросить о нем не позволяло самолюбие.

Наступил день рождения. К обеду стали собираться гости. Софья пыталась выглядеть веселой, но у нее это плохо получалось. Гости раздражали, подарки не радовали. И когда из карих глаз готовы были закапать слезинки, лакей объявил о прибытии барона Шафирова. Сонечка, стараясь скрыть свое волнение, приняла из рук Сержа подарок – альбом в розовом сафьяновом переплете с тиснением, снабженный золоченой застежкой с замочком и ключиком.

– Это надежное хранилище девичьих тайн, – с улыбкой сказал барон. Открыв альбом, она прочла на первой странице:

«Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топит;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок солнцем допит,
Через притворенную дверь
Ты сердце шелестом тревожишь...
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбить уже не можешь...»[1]

И быстро захлопнула альбом, заперла на замочек от любопытных глаз.

Николай преподнес сестре прекрасное нотное издание – клави́р новой оперетки Легара «Веселая вдова». У Сонечки загорелись глазки. Куда девались ее печаль и подступавшие слезы?! В окружении подружек она поспешила к роялю и тут же начала разбирать ноты. Серж стал рядом, помог преодолеть сложный пассаж. Кто-то пододвинул им банкетку, сидя рядышком они начали играть в четыре руки, смеясь, сбиваясь, мешая друг другу, сталкиваясь локтями. Их настроение заразило сначала молодежь, затем и остальных гостей, все подтянулись поближе к роялю. Софья чувствовала, что ведет себя неподобающим образом: ее возбуждение слишком очевидно, движения не в меру порывисты, сияющие глаза и румянец выдают ее чувства, но ничего не могла с собой поделать – ее несло, словно парусник в шторм.

Она заметила удивленный взгляд брата, обеспокоенность матери, любопытство гостей и, сославшись на внезапную головную боль, сбежала из гостиной. В своей комнате она залпом выпила стакан прохладной воды, распахнула окно и упала на софу. Постепенно успокоившись, девушка заставила себя вернуться к гостям. Но Сержа в гостиной уже не было, он уехал, не дожидаясь праздничного обеда.

И вот теперь они встретились на пыльной дороге, и Софья не знала, как себя держать. Возникшую неловкость сгладил Серж, улыбнувшись, как ни в чем не бывало:

– Здравствуйте, прелестная амазонка! Нежданного гостя не прогоните?

– Барон едет в имение своей матушки, тут, недалеко, под Гдовом. Я пригласил его погостить у нас, – пояснил Николай.

– Конечно, добро пожаловать, мы рады друзьям Николеньки. Вам, молодым, вместе весело, а нам, старикам, ваше веселье в радость, – добавил подъехавший на своем Вагае граф.

С приездом Николая и Сержа жизнь в имении Осинцевых преобразилась, казалось, само время встряхнулось и побежало быстрее. Дни заполнились развлечениями и забавами. Молодежь то затевала игру в лапту, то, уже в сумерках, придававших таинственность знакомым аллеикам, играла в прятки, то переворачивала содержимое сундуков в поисках подходящей одежды для модной светской забавы «живые картины», то разыгрывала шарады. Даже такое скучное занятие, как лото, они превращали в веселое развлечение. Соня забросила пальцы с

незаконченной вышивкой и недочитанный роман, он казался ей скучным по сравнению с ее нынешней, наполненной событиями, жизнью.

Во всех затеях старших с азартом участвовал Петя – младший брат Софьи и Николая.

Петенька появился на свет, когда Соне только-только исполнилось четыре года. Для нее это было грандиозным событием. Она внимательно рассматривала маленькое существо, лежащее в батистовых пеленках, и силилась понять, откуда же он взялся? Ведь не было – и вдруг вот он, младший брат!

– Ой, мамочка, он же лысый... – беспокоилась она.

– Ничего, волосики отрастут, – улыбалась мама, – ты тоже появилась на свет лысой, а сейчас смотри, какая коса выросла.

Сонечка недоверчиво посмотрела на маму, уж не шутит ли она.

– Ой, у него и зубиков нет! Ни одного... как же он жить будет, без зубов?

– И зубки тоже вырастут в свое время, пока они ему не нужны.

Мама оказалась права, скоро голова брата покрылась нежным пушком. С каждым днем Петя становился все симпатичнее и интереснее, Сонечка привязалась к нему всем своим детским сердечком, брат отвечал ей такой же нежной привязанностью. Когда Соне исполнилось девять лет, и ее увезли учиться в институт благородных девиц, труднее всего ей далась разлука с младшим братом, много слез пролила она украдкой в казенную подушку. Зато сколько радости приносили встречи во время вакаций!

Теперь Петя ростом почти догнал сестру, у него начал ломаться голос и появился темный пушок над верхней губой. Он старался ни в чем не отставать от старших и сильно переживал, если это ему не удавалось. Восторженность сменялась слезами, которые так же быстро просыхали.

Так, в забавах, прогулках, вечерних посиделках за чаем незаметно пролетела неделя, затем вторая.

Ясным июльским утром в самом прекрасном настроении Сонечка спустилась к завтраку. В столовой никого не оказалось. Голос с легкой картавинкой, принадлежащий Сержу, доносился с террасы. Там же Соня застала отца и старшего брата. С озабоченными лицами они просматривали прибывшие накануне газеты и негромко переговаривались. На приветствие девушки ответил только Серж.

– Что случилось? Что у вас такие лица, словно вам перца в кофе подсыпали? – Соня постаралась опуститься в шезлонг как можно грациознее.

– В Сараево убиты эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник австро-венгерского трона, и его супруга герцогиня София. Австро-Венгрия объявила Сербии ультиматум, – не поднимая лица от газеты, ответил ей Николая. Серж задумчиво смотрел куда-то вдаль, поверх крон деревьев.

С Софьи слетела беззаботность, всеобщая тревога передалась и ей.

– Как это ужасно! Сараево – это, кажется, где-то в юго-восточной Европе?

– Совершенно верно, – отозвался Павел Николаевич.

– Но... это же довольно далеко от нас? – неуверенно спросила Соня.

– Какое это имеет отношение к нам? Что вы все такие...?

– Боюсь, что это может иметь к нам весьма прямое отношение. Как бы это убийство не оказалось той искрой, от которой рванет весь пороховой склад, называемый Европой, – подал голос Серж.

За завтраком гость объявил о решении незамедлительно ехать в имение своей матушки. Прощаясь с опечаленной Соней, он сказал:

– Надеюсь вскоре вновь Вас увидеть, если я Вам еще не надоел.

– Я буду ждать встречи, – совсем тихо ответила она.

А Петя втайне был даже рад отъезду гостя, очень его стало беспокоить внимание Сержа к сестре, он ревниво ловил их взгляды, касания рук, фразы «со значением». Соня его сестра, и делить ее дружбу и любовь он ни с кем не собирается!

После отъезда гостя жизнь в имении вошла в привычное русло. Мария Феокистовна обсуждала с кухаркой способы засолки огурцов, собственноручно готовила ягодные настойки, чтобы зимой удивлять гостей и баловать мужа. Павел Николаевич разъезжал с управляющим по имению, погрузившись в хозяйственные заботы. «Летний день, знаете, год кормит» – частенько повторял он. Николай, взяв отцовское ружье, отправлялся затемно с егерем уток пострелять, а после обеда любил поспать на сеновале.

– Свежее, душистое сено лучше всякой перины, – отвечал он на матушкины сетования. Софья вновь достала пяльцы и принялась за прерванную работу. Только дело что-то не спорилось, часто иголка замирала в пальцах, а взгляд устремлялся в одну точку. Петенька то лежал с книгой на досках купальни, то ставил силки на птиц в ближней роще. Он не знал, куда себя деть, и уже жалел об отъезде Сержа, все-таки с ним было куда веселее.

Жизнь текла размеренно, так же светило солнце, пели птицы, занималась повседневными делами прислуга, и тревога, в связи с происшествием в Сараево, подзабылась. Казалось, это дело дипломатов – уладить конфликт, за то они жалование получают.

Прошло чуть больше недели, и вновь у крыльца барского дома остановилась коляска с откинутым верхом. Соня наблюдала из окна своей комнаты как Серж, выйдя из экипажа, здоровается с Петей и Марией Феокистовной, как раскланивается с ним высыпающая на крыльцо прислуга, радуясь поводу немного побездельничать и поглазеть, как он ищет глазами ее, Соню. Увидел, улыбнулся, слегка поклонился, сняв картуз.

На следующее утро решено было отправиться в ближнюю рощу по ягоды. Николя только присвистнул, увидев сестру в новом сатиновом платье, открывавшем по последней моде стройные щиколотки. Головку украшала соломенная шляпка с атласными лентами цвета весенней зелени. Такой же лентой была перехвачена тонкая девичья талия. Удивительно, как похорошела она этим летом, как идет ей особенный блеск в глазах, появившийся с приездом Сержа. Даже не верится, что это та самая девчушка, которую еще прошлым летом он пугал жуками и лягушками.

Молодежь разбрелась по пронизанной солнцем роще, перекликаясь и аукая.

– Софьюшка, идите сюда, смотрите, что я нашел! – раздался с опушки голос Сержа. Соня поспешила на зов. Петя тоже побежал, было, следом, но старший брат перехватил и отвлек его, посулив показать нору барсука.

В руках у Сержа был целый букетик земляники, тонкие стебельки клонились под тяжестью сочных ягод.

– Держите, это Вам. Последние этим летом.

Он поднял букетик над ее лицом, она потянулась губами к ягодке.

– Сонечка, – сказал он просто, – я ездил к матушке не только повидаться, но и спросить ее благословения. Хочу сегодня просить Вашей руки у Павла Николаевича. Вы позволите? Согласны стать моей женой?

Это было так внезапно, и в то же время так ожидаемо, что девушка растерялась. Она столько раз представляла в своих мечтах, как это случится у нее, а все оказалось так просто! Всего несколько слов решают ее судьбу? А вокруг все так же сияет солнце, жужжит шмель, серебряным колокольчиком рассыпается в роще песенка зарянки. Ничего в мире не изменилось! И прямо сейчас ей надо дать ответ. Серж смотрит на нее внимательно-внимательно, словно читая ее мысли, как тогда, на балу.

– Я... да... я согласна.

Вот и все, отныне она связана словом, судьба ее решена.

После обеда отец с гостем удалились в кабинет Павла Николаевича, затем туда же пригласили матушку и Соню. Родители, как положено, благословили молодых, но свадьбу решено было отложить до следующей пасхи. Сержу нужно было время, чтобы закончить службу, выйти в отставку и заняться подготовкой дома для семейной жизни в своем имении. В этом доме давно никто, кроме управляющего, не жил, поэтому работы предстояло немало. Да и петербургская холостяцкая квартира Сержа нуждалась в ремонте. Кроме того, свадьба, венчание требовали немалых средств.

Все эти практические соображения не только вернули влюбленных на землю, но и сблизили, придали определенность их отношениям. Теперь у них появилось общее будущее, общие заботы. Помолвку решено было огласить осенью, по возвращении в Петербург.

Петя, узнав о предстоящем замужестве сестры, поначалу надулся, но поразмыслив, решил, что раз уж ей так необходимо выйти замуж, то пусть лучше за Сержа, он свой и к нему, Пете, относится дружески.

За вечерним чаем разговор зашел о том, что в ближайшие дни молодым офицерам предстоит возвращаться в свой полк, отпуск подошел к концу. Решено было ехать в ближайшую субботу.

А утром с почтой привезли свежие газеты. На первых страницах бросились в глаза заголовки: «Война в Европе!», « Сербский кризис послужил поводом к войне!», «28-го июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии!», «Мобилизация в странах Тройственного союза». С этой же почтой прибыло предписание командира полка Николаю немедленно прибыть к месту службы. Все потрясенно молчали.

В тот же день Николай и Серж спешно уехали. Прощаясь с Соней, Серж сказал:

– Вы в моем сердце навсегда. Верьте, что бы ни случилось, я обязательно вернусь. Идти не смогу – приползу. Все мои мысли будут с Вами. Только дождитесь!

Соня стиснула руки:

– Но... надеюсь, это ненадолго? Вас не отправят на войну? Россия ведь не участвует в войне? Я буду молиться за вас с Николая. И буду писать вам часто-часто.

Дом опустел и притих в ожидании дальнейших событий.

[1] Автор «Весеннего романса» Иннокентий Анненский.

Глава 3. Госпиталь

Сонечка шла по Гороховой, пряча озябшие руки в меховую муфту. Под ногами месиво из тающего снега, а под ним предательская корка льда. Серенький мартовский день клонился к сумеркам и, казалось, все вокруг перекрасил в серый цвет: серые дома, придавленные низким серым небом, серый снег под ногами. Мимо проехал, обдав Соню брызгами, серый грузовик, в кузове которого, как оловянные солдатики в коробке, сидели люди в серых шинелях. И настроение у девушки было под стать этому ненастному дню.

Вскоре после отъезда брата и жениха (как странно и непривычно было для Сонечки так называть Сержа!) Россия вступила в большую войну. Поначалу война казалась чем-то далеким, хоть и грозным, жизнь в имени Осинцевых текла по заведенному порядку. От Николая и Сержа регулярно приходили бодрые весточки. Сонечка искала и находила в письмах жениха нежные, ласковые слова в свой адрес.

Но с началом осени мир вокруг начал меняться, понемногу, затем все явственней: молодых работников забрали в армию, конфисковали лучших лошадей. Газеты пестрели известиями о тяжелых боях в Бельгии, Франции. В сентябре Осинцевы вернулись в Петербург, который теперь именовался на русский манер – Петроградом. Город жил известиями с фронта, свежие газеты расхватывались моментально. В театрах вместо обычных для осени премьер устраивались благотворительные концерты, сборы от которых шли на нужды армии. В гостиных дамы собирались не на светские приемы, а для того, чтобы вязать теплые носки и готовить посылки на фронт, это считалось хорошим тоном.

Письма от Николая и Сержа приходили из Польши, сначала из-под Кракова, потом из-под Варшавы. Писать они стали реже, и тон писем изменился, стал более приземленным и каким-то усталым, романтики в них поубавилось.

Зимой тысяча девятьсот пятнадцатого года военные действия переместились из западной Европы на восток, к самым границам Российской империи. Жизнь в Петрограде резко изменилась, город словно притих в тревоге. Вместо обычных в это время года балов и увеселений открывались госпитали, по нечищеным мостовым маршировали солдаты, проезжали крытые брезентом машины с красными крестами в белом круге. С каждым днем все хуже становилось с продовольствием, все неспокойнее на улицах. В обиход вошли новые слова: стачка, митинг, демонстрация, забастовка.

Однажды в газете, забытой отцом на кофейном столике в гостиной, Соня увидела фото женщин в белых фартуках и косынках с крестом. Статья о сестрах милосердия, самоотверженно работающих в прифронтовых госпиталях, поразила ее воображение, она представила себя, выносящей раненых с поля боя, ухаживающей за больными, и решила, что ее место на фронте. Но только как туда попасть не знала. Соня написала о своем решении Сержу, в ответ получила сразу два письма – от жениха и от брата. Оба писали, чтобы она выкинула эту мысль из головы, что реальность сильно отличается от той картинки, которую нарисовало ее воображение, пусть лучше вяжет варежки, шьет кисеты и собирает посылки на фронт да поддерживает родителей. Это были их последние письма, с тех пор, вот уже два месяца не было никаких известий.

На углу Гороховой и Казанской девушку окликнул знакомый голос:

– Осинцева! Соня, стой!

Через перекресток к ней спешила Оля Чекмарева, ее институтская подруга. Девушки не виделись с выпускного вечера. Казалось, это было очень давно, так за эти месяцы изменилась их жизнь! Да и сами они изменились. Соня с удивлением оглядела подругу, ее голова и плечи были покрыты большим темным платком, прихваченным под подбородком, отчего она стала похожа на монашку. Девушки разговорились. Соня рассказала, что возвращается домой от

баронессы Лавровской, в доме которой собираются дамы для благотворительных дел: щиплют корпию для госпиталей, вяжут варежки и носки для солдат, собирают посылки на фронт.

– Хорошее дело, – ответила Оленька, – а я пошла в сестры милосердия, работаю в госпитале. Здесь, недалеко, на углу Демидовской и Казанской, в бывшей гимназии.

У Сони округлились глаза:

– Какая ты молодец! Настоящим делом занимаешься. Я тоже хочу! Меня в сестры милосердия возьмут?

– Отчего же не взять? У нас так не хватает рук. Только это ведь не такое приятное занятие. На фотографиях в газетах и журналах все чистенько-аккуратненько и все улыбаются, а на деле кровь, боль и страдания. Выдержишь?

– Ну, ты же смогла!

– Я другое дело. Я из-за брата туда пошла, ранили его тяжело... в этот госпиталь и привезли, но спасти так и не смогли. А я здесь и осталась, за другими ранеными ухаживать.

– У меня тоже брат на фронте... и жених... писем третий месяц нет...

Ольга, подумав, кивнула:

– Что же, приходи завтра утром к восьми часам к бывшей гимназии, похлопочу за тебя. На том и расстались.

Ночью Соня спала плохо, боялась проспать, да и нелегкий разговор с родителями добавил волнения. В споре она держалась уверенно, отстояла свое решение, но наедине со своими мыслями весь апломб растаял, уступив место тревоге и сомнениям.

Однако к назначенному времени она уже была в Демидовском переулке у входа в гимназию, над которым весенний ветерок лениво полоскал белый флаг с красным крестом. Ольга заметила бледность подруги, круги под глазами.

– Волнуешься? Ничего, я тоже волновалась в первый день. Научишься, привыкнешь.

Под высокими сводами коридора гулко отдавался скрип колес каталки, на которой две женщины везли человека с забинтованной головой. Вместо правой руки из-под простыни торчало что-то непонятное. Соня догадалась, что этот забинтованный обрубок – то, что осталось после ампутации руки. Ей стало страшно. Подруга не обратила никакого внимания на тележку.

– Ты подожди здесь, я быстро, – и на ходу снимая пальто и шаль, скрылась за одной из дверей.

Несколько раненых в одинаковых фланелевых халатах, стоящие вдоль стены в молчаливой очереди в процедурную, с любопытством рассматривали барышню. В коридоре пахло карболкой, лекарствами и чем-то еще, тошнотворным, отдаленно-знакомым. Соня вспомнила, что такой же запах исходил от умиравшей собаки, угодившей по неосторожности под копыта лошади. Картинка из детства живо всплыла перед ее глазами.

Ольга, уже переодетая в белый фартук и косынку, вернулась с доктором. Рукава его белого халата были засучены, обнажая мускулистые руки с толстыми короткими пальцами. Поверх халата на нем был надет забрызганный кровью клеенчатый фартук. Он внимательно оглядел Соню сквозь круглое пенсне, криво сидящее на его мясистом носу.

– Что, барышня, решили послужить Отечеству? Похвально, похвально. Будете пока ухаживать за ранеными: покормить там, переодеть, судно подать, успокоить, письмецо написать. Дело нехитрое. Остальному по ходу дела научитесь. С вопросами, ежели что, к Чекмаревой обращайтесь.

В сестринской Соня переделалась в униформу и едва узнала себя в высоком мутном зеркале.

– Дежурить будешь в пятой и шестой палатах, там выздоравливающие лежат. А меня, если понадобится, найдешь в первой или второй. Да, и еще: будь с некоторыми поостроже, они как дети, махом на шею сядут, если слабинку почуют.

В бывшей классной комнате, вместо парт, тесно стояли в два ряда железные койки. Около двух десятков раненых с любопытством разглядывали новенькую сестричку. Воздух в палате был еще более тяжелым, чем в коридоре, от неприятных запахов к горлу подкатывала тошнота. Соня попыталась приоткрыть окно, с трудом дотянувшись до фрамуги. И тут же с соседней кровати раздался недовольный голос:

– А ну, закрой! Дует.

Голос принадлежал пожилому солдату, из-под бинтов на девушку смотрели недобрые глаза.

– Судно лучше подай!

Преодолевая брезгливость, Соня неумело затолкала судно под одеяло.

– Сестра, воды! – раздался голос из противоположного угла.

– Эй, сестричка, помоги повернуться на другой бок!

– Судно-то заведи!

Соня спешила от одного больного к другому, стараясь выполнять свои обязанности как можно лучше.

В дверь заглянул щуплый солдатик на костылях:

– Сестричка здесь? В третьей Пряжкину плохо, врача бы...

Соня поспешила в третью палату, с одной из подушек на нее глянули жалобные глаза совсем юного парнишки:

– Мокро что-то...

Откинув простыню, Соня увидела пропитавшуюся кровью и гноем повязку на животе, расплывающееся на простыне пятно. В глазах у нее потемнело, стены поехали вверх.

Очнувшись от резкого запаха нашатыря, над ней склонился уже знакомый врач.

– Ты, голубушка, держи себя в руках, или дома сиди, цветочки крестиком вышивай, – сказал он жестко, – а мне с тобой возиться некогда, меня раненые ждут.

Соня с трудом поднялась с пола, держась за опустевшую кровать с окровавленной простыней.

– Сестра, помоги подняться, мне бы выйти покурить...

– Сейчас, сейчас, подождите минуточку, – пробормотала Соня. Держась за стенку, на подгибающихся ногах вышла в коридор, и поспешила к выходу. На крыльце ее вырвало, на свежем воздухе стало легче. Она присела на ступеньки, чтобы отдышаться. Ей отчаянно не хотелось возвращаться в это царство страданий и боли.

К крыльцу подкатил крытый грузовик, из кабины выпрыгнул военный, на ходу вытаскивая бумаги из планшета, крикнул Соне:

– Эй, сестренка, не спи, зови санитаров, выгружайте раненых.

Соня вернулась в здание госпиталя, в растерянности остановилась в коридоре – куда бежать-то? Мимо широкими шагами прошел офицер, сердито зыркнул на девушку:

– Ну, чего столбом встала, барышня?! – и зычно крикнул, – Эй, принимайте пополнение!

Его голос эхом прокатился под сводами коридора, захлопали двери, поднялась суета, санитары сгибались под тяжестью носилок. Соня увидела Ольгу. Та, спокойная, собранная, стояла на входе и отдавала распоряжения, кого нести в палаты, кого в перевязочную, а кого поближе к операционной. Соня тоже оказалась вовлеченной в суету, толкала перед собой каталку с тяжелораненым. Голова его была забинтована, на месте лица – сплошная запекшаяся кровавая корка. Оставив каталку около перевязочной, Софья присела над носилками с раненым, тихо просившем: «пить...». Она сбегала за кружкой, склонилась над солдатиком.

– Ты что делаешь?! – раздался сердитый окрик над ее головой. – Ранение в живот, поить нельзя! Только губы бинтом смочи, – уже более мягким тоном сказал незнакомец в белом халате, наброшенном поверх военной формы.

Коридор заполнился носилками, пациентов постепенно распределяли по местам. Соня заставила себя вернуться в шестую палату. На месте юного солдатика уже лежал другой раненый из только что поступивших.

– Сестренка, ногу сдавило, поверни ее поудобнее, жалобно сказал он.

Соня откинула край одеяла..., вместо ноги увидела перевязанную запекшимися от крови бинтами культю.

– Что там с моей ногой? – с надеждой глядя в ее побелевшее лицо, спросил парнишка.

В этот момент Соня почувствовала, как по ее бедру поверх юбки легко скользит чья-то рука. Она отскочила в сторону, резко обернулась. На соседней кровати лежал рыжий парень, нагло ухмыляясь щербатым ртом, и тянул к ней здоровую руку, вторая, загипсованная, висела на косынке.

Это происшествие оказалось последней каплей. Соня метнулась к двери, на ходу срывая с себя фартук и косынку, забежала в сестринскую, схватила в охапку шубку, шапку, муфту и пулей вылетела из госпиталя. Почти всю дорогу до дома она бежала, размазывая по щекам слезы и приговаривая: «Больше никогда..., больше ни за что...». Быстро, словно за ней гнались, пересекла гостиную, мимо встревоженных родителей, и закрылась в своей комнате. Она плакала, упав в подушки, и не отвечала на стук в дверь.

Словно две женщины спорили в ее голове. Одна строго выговаривала:

– Как ты можешь бросить раненых, которые так нуждаются в твоей помощи?! Завтра же возьмешь себя в руки и вернешься в госпиталь!

А вторая жалобно отвечала:

– Но я не могу! Я не выдержу! Пожалуйста, не надо!

– Как тебе не стыдно! А как Ольга выдерживает? Она может, значит, и ты сможешь.

– Она может, а я нет!

– А если сейчас, когда ты прячешься в подушках, твой брат или жених лежат раненые и так же нуждаются в помощи?

Соня явственно представила на месте сегодняшнего раненого с культей вместо ноги Сержа, вскрикнула и забилась в истерике.

Потом ей казалось, что она лежит в поле, вокруг в темноте стонут и шевелятся раненые. Они зовут ее, а она не может встать. Где-то далеко раздается глухой топот копыт, он приближается, все явственней содрогается земля. Конница все ближе, ближе, вот над ее головой замелькали копыта. Соня сжалась в комочек в ожидании удара. Но топот стал удаляться, все дальше, дальше... тише, тише...

Очнулась она днем. В кресле, прикрыв лицо от солнечных лучей платком, дремала Агаша. Соня тихонько окликнула подругу, та тут же вскинулась.

– Лежите, лежите, барышня! Доктор не велел пока вставать.

– Что со мной?

– Доктор сказал – нервная горячка. Это пройдет, нужен только покой.

Вечером больную навестил врач, совсем молодой, видимо, вчерашний студент. Однако держался он уверенно, и к себе располагал. Соня с ним разоткровенничалась, рассказала о причине своего нервного расстройства.

– Мне стыдно, что я сбежала, но я не чувствую в себе сил, чтобы вернуться в госпиталь.

– Возвращаться туда Вам точно не стоит. И корить себя не за что. Просто медицина – это не Ваше призвание. Мы же все разные, не всем суждено родиться Жанной д'Арк. Ваша подруга нашла свой путь служения Отечеству, а Вам надо искать свой.

– А мой путь в чем? В вышивании цветочков? – с горечью спросила Соня.

– Может быть и в вышивании. Красота тоже нужна людям. Ищите, и обязательно найдете. Чтобы быть полезной другим, нужно, как минимум, быть здоровой, так что поправляйтесь, набирайтесь сил и берегите себя.

«То-то ты отсиживаешься в тылу, пока другие воюют! Себя бережешь!» – с досадой подумала Соня, и тут же устыдилась своих недобрых мыслей – оказалось, что доктор прихрамывает на правую ногу. Стоя у окна, она провожала взглядом его торопливо ковыляющую фигуру. А в глубине души рождалось успокоение: она больна, следовательно, не надо договариваться со своей совестью.

Глава 4. Петроград

Молодой организм быстро справился с болезнью, а природный оптимизм помог выбраться из депрессии. Но стоило Соне остаться наедине со своими мыслями, как коварная дама Совесть начинала ее мучить. Сидеть без дела было невыносимо. Заниматься привычным дамским рукоделием казалось кошунством. Спасло газетное объявление о приеме девушек на курсы машинисток. И уже через месяц Сонечка бойко стучала по клавишам «Ремингтона» в издательстве газеты «Вечернее время».

Она коротко остригла волосы, научилась красиво курить пахитоску, носила простую черную юбку с белой блузкой и черным галстуком, и в шумной суете редакции чувствовала себя как рыба в воде. Новости с фронта она теперь узнавала одной из первых, еще до того, как их «причешут» для читателей.

А известия эти пугали. Вынужденная воевать одновременно с Германией, Австро-Венгрией, Италией, Болгарией и Турцией, Русская армия терпела одно поражение за другим, отступала, неся огромные потери. Восточный фронт был взломан, не хватало продовольствия и боеприпасов. Союзники Англия и Франция предоставили Россию ее судьбе. Где-то в этой мясорубке потерялись самые дорогие Соне люди – брат и жених. От них по-прежнему не было известий. Оставалось только надеяться.

Не имея возможности общаться с Сержем хотя бы в письмах, Сонечка привыкла разговаривать с ним в своих мыслях. Она задавала ему вопросы и сама же за него отвечала, приписывая ему слова, которые хотела слышать. Скоро она уже путала реального Сержа с этим, ею придуманным. Он в ее воображении становился все более идеальным, все менее похожим на настоящего. Их недолгое знакомство привело к тому, что Соня успела узнать только его достоинства и не заметила недостатков. Черты его лица стали расплываться перед мысленным взором, например, она не могла вспомнить какой формы у него уши, с какой стороны у него родинка на шее – справа или слева. Она вглядывалась в маленькую фотокарточку жениха, хранившуюся в медальоне на ее груди, стараясь удержать в памяти его реальный облик.

Ранним майским утром Сонечку разбудил стук в окно. Она вскочила с постели, отдернула портьеру – с подоконника вспорхнула синичка. А вечером того же дня дома ее встретили счастливые лица родных. Петя, обхватив сестру за плечи, закружил ее по гостиной:

– От Николеньки письмо! Он жив! Нашелся!

Листок был исписан аккуратным женским почерком. В письме сообщалось, что Николай лечится в одном из Киевских госпиталей после ранения, идет на поправку, но правая рука пока на перевязи, поэтому письмо написано с его слов сестрой милосердия. Чувствует он себя хорошо, чего и всем близким желает. Возможно, после выписки ему дадут несколько дней отпуска, и он сможет навестить семью перед возвращением в полк.

О Серже в письме не было ни слова. Сердце Сони сжалось от нехороших предчувствий.

А несколькими днями позже, воскресным утром, всех разбудил отчаянный трезвон колокольчика в прихожей. Заспанная Агаша в чепце и ночной кофте поверх рубашки поспешила к парадной двери, и едва открыв, оказалась в объятиях Николая. Он сгреб ее в охапку, закружил по прихожей. На его зычный голос и на визг Агаши сбежались все домочадцы. Восторгам, поцелуям, объятиям не было конца! Оказалось, что письмо шло так долго, что его автор успел поправиться и чуть не обогнал свое послание.

Улучив удобный момент после завтрака, Сонечка задала брату мучивший ее вопрос:

– А что с Сержем?

Брат помрачнел, не спеша закурил. В тишине было слышно, как кошка спрыгнула с кресла.

– Я не хотел писать об этом в письме, решил рассказать при встрече, – сказал он после минутной паузы. – Сержа больше нет. Геройски погиб в бою в Нарочских болотах... Что там творилось – просто ад! Мы были вынуждены отступить... да что там отступить – бежали под перекрестным огнем, утопая в жиже. Наши позиции заняли австрияки, забрать раненых, убитых не было возможности... Нас всего-то горсточка осталась, прорвавшихся из окружения, но Сержа среди нас не оказалось. Люди видели, что рядом с ним разорвался снаряд, видели, как он упал. Шансов, что он мог выжить нет, тем более, австрияки пленных не брали, добивали раненых штыками. Так что, сестренка, как ни больно мне это тебе говорить, Сержа мы больше не увидим, прими этот факт. Не ты одна не дождалась жениха с фронта, сейчас таких тысячи. Что поделаешь? Война, будь она проклята!

Мария Феокистовна заплакала, промокая уголки глаз батистовым платочком, а у Софьи слез не было. Она и хотела бы выплакаться, но словно камень навалился ей на грудь, мешая дышать, не давая выхода слезам. Она овдовела, не успев выйти замуж. Все картины семейного счастья, что рисовались в ее воображении все эти месяцы, вмиг оказались замазаны глухой черной краской. Никогда больше, никогда... перед ней словно захлопнулась дверь, отсекая предначертанную ей дорогу. Теперь ее ждала другая, неведомая тропинка, и куда она заведет – один Бог знает...

А между тем, время неумолимо шло, с каждым часом приближая отъезд брата на фронт. Все домашние буквально не отходили от Николая ни на шаг, стараясь сделать его пребывание дома как можно приятнее и комфортнее, а ему от этого становилось только тяжелее, думалось, что, может быть, он видит родные лица, родные стены в последний раз. Соне хотелось поймать время за хвостик и удержать, чтобы не бежало так быстро. Она все расспрашивала брата о Сереже, каким он был в повседневной жизни, в сражениях.

– Да зачем тебе это знать? – вздыхал Николай, – нет его больше, смиришься с этим.

– Хочу сбереечь хотя бы память о нем, понять, какой была бы наша семейная жизнь. Теперь уж мне не суждено быть счастливой. Никого больше я не полюблю так, как его, – горестно вздыхала Соня.

– Ты эти мысли брось! Девятнадцать лет! Все еще у тебя будет, и любовь, и семья, и детишки. Когда-то же эта война проклятая закончится.

– Нет, ничего уже не будет...

– Это у Сержа уже ничего не будет. И у тысяч других, убитых. А ты живая! Значит все еще впереди. Живи за себя и за него.

Николай погладил пушистую, низко склоненную голову сестры:

– Остригла косу, изменилась, повзрослела... Береги себя, сестренка. За родителями присматривай, постарели они за этот год. И за Петькой смотри в оба! Как бы не удрал на фронт. Они в этом возрасте все «герои».

День отъезда Николая стал одним из самых тягостных в жизни семьи. Да еще Петя усугубил ситуацию, заявив, что тоже собирается отправиться на войну вместе с братом, а если Николай его с собой не возьмет, то он сбежит из дома и доберется до фронта сам. Матушка схватилась за сердце, Агаша побежала за сердечными каплями. Пришлось старшему брату объяснить как можно строже:

– Твое дело – закончить лицей, да получить хорошую специальность, только тогда от тебя будет толк. А недоучкой ты стоишь разве что в солдаты, и то до первого боя. Убьют, вот и весь прок. И вообще, пока меня нет, ты остаешься главным защитником в семье, отвечаешь за родителей и сестру. Что будет с ними, если ты их бросишь и сбежишь?!

Этот инцидент несколько отвлек домочадцев, пока все ахали вокруг Пети, Николай покинул дом.

После отъезда брата, Соня ходила сама не своя. Спасала служба, в редакционной суете она забывалась, отвлекалась от своей беды. Работа оказалась важной еще в одном аспекте:

ее заработок становился все более заметным подспорьем для семьи. Ручеек доходов от имения становился все более тонким. Прежнего, надежного управляющего забрали в армию, в интендантскую службу, а новый жаловался на катастрофическую нехватку рабочих рук, на повсеместное недовольство и неподчинение не только крестьян, но даже баб. Арендную плату собрать не удавалось. Крестьяне деревни Якушино самовольно распахали Алешкинский луг, в березовой роще обнаружены вырубki, а кто это сделал, дознаться не удалось. Решено было, что семья, кроме Софьи с Агашей, переберется на лето в свое псковское гнездо, в надежде, что с хозяйским приглядом дела поправятся, да и жизнь в имении куда дешевле столичной.

Однако уже к августу Осинцевы вернулись в Петроград. В соседнем уезде крестьяне запалили помещичью усадьбу, оставаться в имении стало небезопасным. Павел Николаевич недоумевал: он славился своими либеральными взглядами и всегда ладил с окрестными крестьянами. И церковно-приходскую школу в селе открыл, и амбулаторию организовал, крестьяне относились к нему с уважением. Но и он почувствовал, как накаляется недовольство среди народа. Местный урядник сетовал, что появились в деревнях какие-то личности, раздают газетки, брошюрки, смуту в умах сеют.

Жизнь становилась все более непредсказуемой и непонятной. Петроград захлестнули беспорядки. По дороге на работу Соня часто натыкалась на демонстрантов, несущих плакаты «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Она бы и сама пошла с плакатом «Долой войну!», но не представляла себе, как можно прекратить войну, навязанную врагами Отечества, а забастовку на оружейном заводе считала преступлением перед теми, кто сражается на фронте. Воспитанная для совсем другой жизни, она плохо понимала нынешнюю.

Как-то Софья зашла в комнату брата в поисках чистой тетрадки. Пети не было дома. Она с беспокойством подумала, что брат стал часто куда-то пропадать. Заметила уголок газеты, торчащей из-под подушки, это оказалось эсеровское издание «Воля народа», там же лежала брошюра «Программа партии Социалистов-революционеров». Соня в растерянности опустилась на постель. Так вот чем заняты мысли и время брата, а она-то все еще считает его ребенком! Об эсерах она знала только то, что они убили дядю императора, покушались на самого императора, обвинялись во многих других политических убийствах. Именно они подстрекали к крестьянским волнениям, поджогам усадеб. Ей стало страшно: что может быть общего у Пети, доброго домашнего мальчика, с этими ужасными людьми?!

Софья решила не пугать родителей, а самой поговорить с братом, вразумить его. Но разговор не получился, Петя неожиданно резко ее оборвал.

– Что ты в этом понимаешь? А не понимаешь, так и не лезь! Я вырос, сам разберусь, что к чему. И нечего рыться в моих вещах! Будешь мне препятствовать – уйду из дома.

Вот тебе и милый мальчик! Петя повзрослел, и с этим придется как-то считаться – поняла Соня. Еще одной тревогой в ее сердце стало больше. Был бы Николай дома, он бы сумел удержать брата.

Продрогшим ноябрьским утром, придя в редакцию, Софья сняла манто, отряхнула капли дождя, и собиралась пристроить сушиться зонт. Взгляд скользнул по кипе свежих газет и зацепился за заголовок «Подвиг сестры милосердия Ольги Чекмаревой». Забыв про зонт, Софья схватила газету. На карандашном рисунке была изображена девушка в черном, прихваченном под подбородком, платке, бегущая в окружении солдат на немецкий окоп. Ниже Соня прочитала следующее: «В августе 1916 года девица Ольга Чекмарева, невзирая на протесты родителей, отправилась на фронт санитаром 63 Петроградского полка. За три месяца боев девушка вынесла из-под огня свыше пятисот раненых сослуживцев, в том числе и командира полка полковника Н. Н. Берга. В тяжелом бою под Луцком в 7 роте, где Ольга служила санитаром, были убиты все офицеры. Дрогнув, солдаты начали отступать. Вдруг из окопа поднялась Ольга.

– Куда же вы, здесь же раненые! – крикнула она и бросилась в бой. Солдаты повернули за ней. Атака перешла в рукопашную, немцы обратились в бегство. Бой был выигран, но сама

сестра милосердия погибла, ее скосило пулеметной очередью. За этот подвиг Ольга Чекмарева представлена к боевой награде – Георгиевскому кресту, посмертно».

Соня сидела, словно оглушенная, вновь и вновь перечитывая газетные строчки. Финальное «посмертно» царапало взгляд и сердце. Оля... Оленька, ее институтская подружка, милая девушка с глазами олененка. Перед внутренним взором встала тоненькая барышня в белом платье, вальсирующая с кавалером. Разве можно было представить ее ведущей за собой солдат в атаку на вражеские окопы?!

Соне вспомнилась Ольга – сестра милосердия, принимающая раненых в дверях госпиталя – спокойная, сосредоточенная. Да, такую Ольгу можно представить на поле боя. Между той барышней на выпускном балу, и этой санитаркой на рисунке всего два с половиной года...

А в начале зимы вернулся с фронта Николай. Ему посчастливилось выжить после газовой атаки, но здоровье было подорвано. Его комиссовали из армии, и после госпиталя он приехал домой. Война сильно изменила, словно состарила его. Куда девался прежний весельчак и придумщик? Он стал молчаливым, раздражительным и постоянно подкашливал. Николай не мог найти себе место в мирной жизни. Безделье и неопределенность делали его еще более мрачным.

В феврале волнения в Петрограде достигли апогея. Император подписал манифест об отречении от престола, власть перешла к Временному правительству. Все надеялись на перемены к лучшему, однако их не последовало, люди по-прежнему голодали, на фронте царила неразбериха, солдаты бросали оружие, отказывались подчиняться командирам. Петроград наводнили мародеры, грабеж стал обычным делом. Смута продолжалась.

Из псковского имения пришли дурные вести: дом разграблен, прислуга разбежалась, управляющий исчез. На Павла Николаевича больно было смотреть.

– Мы разорены... – растеряно повторял он, и депеша прыгала в его трясущихся руках. Мария Феоктистовна хлопотала вокруг мужа:

– Павлуша, успокойся, тебе нельзя так волноваться... Ох, да что же это творится?! Креста на них нет!

Глава 5. Бегство

Ветер гнал по мокрой мостовой желтые листья. Дождь, словно расшалившийся ребенок, шлепал ладошками по беспокойным водам Мойки, затихал, будто отдыхая, и вновь принимался за свою игру. Софья печально смотрела сквозь окно на знакомые с детства очертания домов, чугунный узор парапета, шпили Адмиралтейства и Петропавловки, видневшиеся за крышами, и думала, что, возможно, видит все это в последний раз.

– Соня, ну где же ты, поторопись, извозчик вот-вот придет! – раздался снизу нервный голос матушки.

Софья окинула прощальным взглядом свою девичью комнату, коснулась кончиками пальцев шелкового покрывала на постели, цветочной гирлянды на обоях, и поспешила вниз.

В марте восемнадцатого года теперь уже большевистское правительство, пришедшее на смену временному, заключило с Германией мирный договор, Россия вышла из войны. Но жить легче не стало, скорее, наоборот: в Петрограде воцарились голод и холод. Хлеб теперь давали по карточкам, сто двадцать граммов на едока.

Владелец газеты, в редакции которой работала Соня, бежал, опустошив сейфы, сотрудники оказались без работы и денег. Семья Осинцевых выживала за счет продажи своих вещей, всего, на что Николаю удавалось найти покупателей. Одна за другой пропадали со стен картины, пустела домашняя библиотека, буфет с фамильным серебром, сундуки с меховыми манто и, наконец, за бесценок был продан рояль. Семья быстро спускала все, что наживалось поколениями.

Так же быстро редел круг знакомых. Город пустел, целые семьи уезжали, кто куда и как мог. Задумались об отъезде и Осинцевы, но неизвестность пугала, трудно было решиться на побег с Родины, в сердцах теплилась надежда, что все еще образуется, мир вернется в привычное русло. Да и куда бежать? В Европе догорал костер Первой мировой войны, на севере высадились войска англичан и французов, с запада в сторону Петрограда двигались германцы, в Заволжье подняли восстание белочехи-военнопленные. Интервенты, словно шакалы, набросились на измученную страну. Большевистское правительство, оказавшись перед угрозой оккупации Петрограда, переехало в Москву, сделав ее столицей нового государства. Петроград потерял свой статус, и жители сразу это почувствовали.

Однажды в особняк Осинцевых вошли решительные люди в кожаных куртках. Они хозяйски оглядели помещения, словно не слыша протесты Павла Николаевича, потом мужеподобная женщина в красной косынке протянула ему бумагу:

– Вот постановление об экспроприации данного здания, здесь будут жить семьи рабочих. Вам разрешается занять две комнаты по вашему выбору. Павел Николаевич растеряно смотрел на жирную фиолетовую печать поверх колючих подписей.

– Вы не имеете права! Этот особняк построен еще моим прадедом!

– Не прадедом он построен, а руками рабочих, им и отдаем. А ты, буржуйский недобиток, будешь мешаться – ликвидируем. Скажите спасибо, что разрешают вам занять аж две комнаты, я бы всех вас в канаву вышвырнул, – зло зашипел один из «кожаных», выразительно положив руку на кобуру.

– Сроку вам до конца недели.

Весь вечер семья суетилась вокруг Павла Николаевича, справляясь с сердечным приступом. На следующий день решено было из города уезжать, оставив в двух комнатах Агашу и дворника Тимофея стеречь самое ценное из сохранившихся вещей.

После долгих споров сошлись на том, что нужно поездом ехать на юг, оттуда как-нибудь пробираться в Крым, находящийся в руках Добровольческой армии, а потом морем плыть до

Европы. Брат отправился на Николаевский вокзал, вернулся к вечеру счастливый, с билетами до Ростова-на-Дону.

– Вы не представляете, как повезло! Встретил однокашника, он на железной дороге, оказывается, работает, помог. А в кассах толпы народа, билетов нет.

Теперь, когда решение было принято, сделан первый шаг, всем казалось, что добраться до какой-нибудь европейской страны будет не так уж сложно, что все трудности, голод, холод, безденежье, останутся здесь, а впереди манила привычная комфортная жизнь.

В прихожей царил суета, что-то упаковывалось в саквояжи, что-то наоборот доставалось, как это обычно бывает перед отъездом.

– Ой, гречневиками-то чуть не забыли! До полночи вчера пекла! – спешила из кухни Агаша. И остановилась, глядя на спускающуюся по лестнице Софью. Потом обвела взглядом остальных.

– Ох, нехорошо оделись, неправильно: шляпки, перчатки, мантильи, сюртуки. Сразу видно – баре. Надо попроще одеться, как простые мещане, чтобы в толпе-то затеряться, чтобы не привязывались к вам.

Все переглянулись.

– А ведь она права... – подал голос Николая, – ай да Агаша, сообразила! Только где же мы такую одежду сейчас возьмем?

– А в моем сундуке поищем, да от кухарки и кучера кое-какие вещички остались.

На пороге возник извозчик.

– Прикажете грузить?

Поднялась суматоха, и пока Тимофей с извозчиком таскали и увязывали баулы и саквояжи, Осинцевы спешно рылись в сундуках, бегая из комнаты в комнату и помогая друг другу переодеться. Через четверть часа в пролетку усаживались простые горожане – головы женщин покрывали шерстяные платки, из-под теплых жакетов виднелись суконные юбки и ботинки на шнуровке, на мужчинах красовались кепки, слегка побитые молью сюртуки и потертые на коленях штаны.

Наконец пролетка тронулась, все в последний раз оглянулись на покидаемое родовое гнездо, на Агашу, утирающую слезы уголком белого платка, переминающегося на крыльце Тимофея, на узорчатый чугунный козырек над парадным, на окна в белых наличниках. Лошадь, звонко цокая подковами по брусчатке, свернула в проулок. Вся их прошлая жизнь осталась за этим углом. Что-то ждало их впереди?

Соня сидела на жесткой тряской полке, поджав под себя ноги и закутавшись в платок. По полу вагона немилосердно дуло. Она бездумно смотрела в окно на однообразную степь, провожая взглядом гонимые ветром кустики перекасти-поля. Вот так и их, лишившихся корней, несет по жизни неизвестно куда. Где-то им удастся вновь зацепиться и пустить новые корни? И удастся ли...

В конце вагона плакал маленький ребенок. За переборкой мужчины, смачно матерясь, играли в карты. Соня заметила, что на краю оврага показались несколько всадников. Их силуэты четко вырисовывались на фоне ясного неба. Небольшой отряд развернул коней и понесся по полю параллельно поезду, постепенно приближаясь.

– Гляньте-ко, гляньте! Никак бандиты? – раздались голоса в вагоне.

– Белые? Красные? Зеленые?

– А шут их разберет...

– Догонят?... Не догонят?...

Паровоз, издав тревожный гудок, заметно прибавил ход. За окном полетели клочья черного дыма. Всадники неслись теперь совсем близко к поезду. Раздались выстрелы, пули защелкали по обшивке вагона. Николай, спрыгнув с верхней полки, оттолкнул сестру от окна.

– Всем лежать и не высовываться, – скомандовал он растерявшимся родственникам.

Поезд, дернувшись, резко затормозил, с верхних полок посыпались узлы и баулы. Несколько минут спустя двери вагона распахнулись, по проходу затопали сапоги. Осинцевы, испуганно переглядываясь, прислушивались к крикам и плачу в соседних купе.

Перед ними возник рослый детина в ситцевой косоворотке морковного цвета и грязно-желтой изрядно свалявшейся папахе.

– Экспроприация! – весело сказал он. – Сами сдадите, али изымать придется? Кто такие будете? Куды едете?

– Мещане мы из Пскова. От голода бежим к родне в Ростов. У вас, говорят, сытнее, – торопливо ответил Николай, – а ценностей никаких не имеем, давно все на продукты выменяли.

– Мещане говорите? А ну руки покажь! – прикрикнул детина.

– Ах вы, падлы! Ишь, ручки-то холеные, барские... Пролетарьят обмануть вздумали?! Куды колечки-браслетики попрятали?

Глаза его стали странно-светлыми и какими-то сумасшедшими. Он подцепил дулом нагана верхнюю пуговку Сониной блузки:

– Раздевайся, нито сам раздену.

– Браток, не трожь бабу, на сносях она! – осторожно вступился Николай.

– А ты кто такой будешь? – дуло нагана развернулось в его сторону.

– Ейный законный муж, псковский мещанин Осинцев.

– А я отец ее. Мил человек, не трожь дочку, христом богом молю! – вмешался Павел Николаевич.

Мария Феокистовна побелевшими губами читала молитву и мелко крестилась. Петя, бледный, под стать воротничку своей сорочки, прижался к плечу сестры.

Вдалеке захлопали выстрелы. По проходу пробежал еще один бандит.

– Петро, тикаем! Кажись, деникинцы...

Детина все еще держал Николая под прицелом, потом чуть приподнял дуло и выстрелил. Пуля вошла в обшивку вагона над головой Осинцева. Бандит расхохотался.

– Что, барин, намочил портки? То-то. Еще свидимся, бог даст, разберуся я с вами, – пообещал он и скрылся за переборкой.

Осинцевы перевели дух, ощупывая нателные пояса, в которых были припрятаны остатки фамильных драгоценностей. Это было надежнее кредитных билетов, и они рассчитывали, что сережки и колечки помогут им добраться до Европы, как-то продержаться первое время.

Поезд стоял среди степи. Пассажиры постепенно приходили в себя, кто-то выпрыгивал из вагона, бежал к паровозу.

– Вылезай. Поезд дальше не пойдет. Машиниста и кочегара убили, – раздались голоса за окнами.

Люди зашевелились, собирая вещи, потянулись к выходу.

– Ну что, в вагоне сидеть бесполезно, да и опасно, бандиты могут вернуться. Придется идти пешком до ближайшей станции. Там как-нибудь помогут добраться до Ростова, – вздохнул Николай.

Однако после первых же шагов по насыпи стало ясно, что далеко с тяжелыми чемоданами не уйти.

– Надо избавиться от части вещей, взять только самое необходимое, – вздохнул Николай.

– Давайте зимние вещи оставим в вагоне, а на станции подождем, когда состав пригонят.

Пока под причитания Марии Феокистовны перебирали и заново упаковывали вещи, остальные пассажиры скрылись с глаз. Осинцевы продолжили путь вдоль насыпи, значительно отстав от попутчиков. Но даже налегке ходьба давалась Павлу Николаевичу с трудом, сдавало сердце. Дети с беспокойством поглядывали на отца.

Они прошли не больше километра, когда дорогу им преградил отряд белогвардейцев.

– Кто такие? Куда направляетесь? – спросил офицер, возглавляющий группу.

– Штабс-капитан Осинцев, в отставке по ранению, – представился Николай и назвал остальных членов семьи.

– Следуйте за нами, на месте разберемся, – скомандовал всадник с погонями поручика.

– Господин поручик, – обратился к нему Николай, – извините, но отец не дойдет, у него большое сердце.

– Рябов!

– Я!

– Уступи коня графу, или как там его, – распорядился командир отряда.

Один из всадников спешился, помог Павлу Николаевичу сесть в седло, и отряд продолжил путь.

Через некоторое время группа въехала в село. Вдоль широкой улицы за плетнями стояли беленые мазанки, крытые соломой, лениво брехали собаки, видимо привыкшие к людям в военной форме. Осинцевы оказались на широком дворе. Под старой грушей сидели несколько человек со связанными руками. В одном из них Осинцевы узнали своего недавнего обидчика в косоворотке морковного цвета. Он тоже узнал их и зыркнул так, что у Сони мороз пробежал по коже. Но долго разглядывать друг друга им не пришлось, во двор въехал новый отряд. Среди всадников выделялась красивая молодая женщина в новенькой каракулевой папахе и ладно сидящей на стройной фигурке военной форме. Она круто осадил коня перед арестованными, и Соня невольно ахнула:

– Бежанович! Зина!

Та задержала взгляд на Соне:

– Осинцева? Какими судьбами? Да вы всей семьей... вот где довелось свидеться... Ладно, потом расскажете, – и бросила через плечо ординарцу, – Проводи в хату.

В просторной чистой горнице было тихо и тепло. Молодая сухопарая женщина орудовала ухватом около печи. В углу висели старинные иконы, украшенные вышитым рушником. На столе аппетитно белели ломти сала на широкой тарелке, из глубоких мисок выглядывали соленые огурцы, квашеная капуста, в центре стола красовалась запотевшая бутылка с самогонном. Хозяйка поставила на стол чугунок с дымящейся картошкой, ловко нарезала толстыми ломтями каравай хлеба. У голодных путников заурчало в пустых животах. Их внимание отвлекли выстрелы во дворе. Николай выглянул в окно, лицо его приобрело озадаченное выражение. Он поспешил отойти от окна.

В хату вошла Зина, пряча маузер в кобуру. Странное выражение ее лица, от которого у Сони пробежал холодок по спине, сменилось усталой улыбкой.

– Что стоите, гости? Прошу к столу. Умойтесь с дороги, рукомойник в сенях, и давайте ужинать. За трапезой расскажете о ваших злоключениях.

Она сняла папаху и портупею, расстегнула верхнюю пуговицу гимнастерки, женственным движением закинула руки за голову, вытащила шпильки, и черные локоны волной рассыпались по плечам.

Гостей уговаривать не пришлось, вскоре тарелки опустели, разговор после чарочки-другой стал оживленнее. Соня с беспокойством заметила, что Николай не сводит глаз с раздумывавшегося лица ее бывшей одноклассницы, вспомнила, как увлеченно вальсировал он с ней на выпускном балу. На душе стало как-то неспокойно.

– Ну что же, день был нелегким, пора отдыхать, – закончила разговоры Зина.

– Переночуете на сеновале, а утречком дам вам телегу, конвой, проводят до самой Ялты. Крым сейчас, наверное, единственное безопасное место в России-матушке, где сохранились закон и хоть какой-то порядок. Там переживете смутные времена, пока разгоним бандитов всех мастей.

На улице быстро темнело. Сонечка поразились величине и яркости звезд, сиявших, словно россыпь бриллиантов на темно-синем бархате ночного неба. Полная, непривычно огромная луна освещала белые хаты. Свежий ветерок, напоенный ароматом степных трав, охлаждал покрасневшие щеки. Завороженная красотой южной ночи Соня не сразу обратила внимание на выезжающую со двора телегу, покрытую рогожей. Из-под рогожи безжизненно свешивалась рука в знакомом оранжевом рукаве...

Усталость этого долгого дня взяла свое. Несмотря на все переживания, на колкость сухого сена и запах чужого тулупа, которым ей пришлось укрыться, Сонечка заснула быстро. Сквозь сон услышала, как соскользнул с сеновала Николай, как скрипнула дверь сарая. «По нужде, наверное, вышел...» – подумала, и тут же, как в омут, провалилась в сон.

Глава 6. Ялта

Мерно поскрипывала задняя ось телеги. Это поскрипывание и однообразие бескрайней как море ковыльной степи навевали дремоту. Казалось, телега, словно лодка, плывет по гонимым вольным ветром серебристо-белесым волнам. Осинцевы ехали уже пару часов, но пейзаж вокруг почти не менялся, только солнце поднималось все выше, проглядывая сквозь рваные тучи.

Издалека донеслось курлыканье журавлей.

– Смотри, смотри, вон они летят! – воскликнул Петя, вглядываясь в небо из-под руки.

Соня тоже подняла голову. Большой нестройный клин двигался куда быстрее их маленького обоза, оглашая окрестности мелодичным криком. Проводив птиц взглядом, Петя сказал с завистью:

– Хорошо журавлям, не нужны разрешения, паспорта, билеты, и вообще транспорт, взмахнули крыльями и полетели, куда душе угодно. И нет им преград! Вот бы и человек так!

Соня только вздохнула в ответ. Она с беспокойством поглядывала на старшего брата, тот ехал верхом рядом с телегой, и голова его то и дело склонялась на грудь. Соню с утра волновал один вопрос, который она никак не решалась задать Николаю. Впрочем, ответ на него был и так очевиден.

– Николенька, ты бы прилег в телегу, да подремал, а то ведь того и гляди, упадешь с коня. А я вместо тебя верхом проедусь, – предложила она.

– Ну куда тебе, ты ведь у нас «баба на сносях», – подначил сестру Петя.

– Что ты болтаешь?! – сердито обернулась к сыну Мария Феокистовна.

– А что я? «Ейный законный муж» так сказал, – рассмеялся Петя, кивнув на старшего брата.

Сегодня, когда опасность миновала, вчерашний инцидент в поезде казался молодежи не столько страшным, сколько забавным. Николай тоже усмехнулся. Он последовал совету сестры, но уступил коня не ей, а Пете, сам растянулся на соломе, застилавшей дно телеги, и почти сразу заснул. Соне пришлось смириться, хоть и очень хотелось поменять тряскую телегу на вольного скакуна. Да и то сказать, в юбке ехать верхом, да еще в мужском седле, неловко.

Однако выспаться Николаю не удалось – впереди показался скачущий во весь опор всадник. Двое верховых, сопровождавших Осинцевых, забеспокоились.

– Видать Рябов на бандитский разъезд наткнулся... Сворачивай в балку!

Возница, привстав, торопливо завернул лошадь, настегивая ее вожжами. Телега запрыгала по кочкам, съезжая в ближний овраг. По его дну протекал ручей, берега которого заросли ракитой, там и схоронились путники. Мужчины, похватав оружие, залегли по верхнему краю оврага, затаились в траве. Время в тревожном ожидании тянулось медленно. Наконец вернулся дозорный, потолковав с сопровождающими, вновь поскакал вперед. Небольшой отряд выбрался из оврага и, нахлестывая коней, поспешил вслед за дозорным.

– Нам бы только до Платоновки добраться, там белоказаки. Ни красные, ни зеленые, ни черносотенцы туда не суются. А дальше уже свои. Считай, в безопасности, – пояснил Осинцевым возница.

Поздно ночью небольшой отряд въехал в Ялту. Соня проснулась от цокота копыт по мостовой. Серебряный диск луны освещал спящие дома, в темных кронах деревьев настойчиво пиликали цикады. Она с наслаждением вдохнула свежий запах моря, прислушалась к доносившейся издалека музыке. Особая атмосфера южного города напомнила ей детство, поездку с семьей в Крым. На минутку к ней вернулось прежнее ощущение беззаботности, но вид вооруженных всадников и телеги вместо экипажа напомнили о действительности.

Остановились на постоялом дворе на окраине Ялты. Сонная хозяйка, прочитав записку, переданную ей Николаем, с ворчанием развела Осинцевых по свободным комнатам.

На рассвете Соню разбудил тихий стук в дверь. Ей казалось, что она всего лишь на минутку задремала, а уже за окном занимался новый день.

– Сестренка, открой! – послышался за дверью шепот.

Соня накинула на плечи платок и босиком пробежала к двери. Николай был полностью одет, словно и не ложился.

– Соня, я зашел попрощаться. Возвращаюсь в отряд.

– Я так и думала. Догадывалась, что ты так решил. Это из-за Зины?

– Нет... точнее, не только из-за нее. Не могу больше сидеть в сторонке, когда другие, даже девушки, сражаются за Отечество. Пойми, я военный и мое место там, ни на что другое не гожусь.

– А как же мы? Родители, я, Петя? Он только тебя и слушается.

– Родителям все объяснишь сама, не хочу слез. А Петя еще, чего доброго, увяжется за мной. Что ему там делать, неумехе? Подстрелят в первом же бою. Ты вот что... найди недорогую съемную квартиру, подальше от набережной, а адрес оставь хозяйке постоялого двора, она наш человек. При случае навещу вас, постараюсь передавать с оказией деньги, письма. А ты работу поищи и брата к делу пристрой, пусть привыкает заботиться о семье, чтобы на дурь времени не оставалось. В Ялте сейчас более-менее безопасно, поживите пока, а дальше видно будет, что делать. Разузнай в порту, как можно выбраться в Европу, подготовьтесь к отплытию. Ну, все, мне пора, сестренка. Храни тебя Господь.

Николай порывисто обнял сестру, перекрестил ее и быстро вышел, она и ответить не успела. Соня распахнула окно. Занималось серенькое ветреное утро. Маленький обоз покидал постоялый двор. Она смотрела вслед брату, стараясь прогнать тревожные мысли.

На первый взгляд казалось, что Ялта живет прежней жизнью курортного городка. Так же гуляли по набережной нарядные дамочки под кружевными зонтиками, так же степенно вышагивали щеголеватые господа с тросточками, по дорожкам городского сада так же бегали девочки с бантами, в белых чулочках и чистенькие мальчики в матросках, так же громко играла музыка в приморских кафе и ресторанчиках, зазывая гуляющую публику. Но это только на первый взгляд...

Вся беспечность обитателей городка была лишь маской, скрывающей страх и тревогу. Слишком много на улицах немецких военных мундиров, слишком наглядно маячат на рейде военные корабли под иностранными флагами вместо привычных прогулочных судов, слишком быстро расхватывают газеты у мальчишек-разносчиков, слишком опасно смотрят люди друг на друга, слишком много народу толпится в порту. Хозяйка гостиницы шепотом, с оглядкой, рассказала Софье о многочисленных расстрелах и погромах, прокатившихся по Ялте минувшей зимой, когда власть в городе перешла в руки ревкома. Особенно зверствовали прибывшие из Севастополя пьяные матросы и черносотенцы. После прихода немцев казни сменились массовыми грабежами. Мир в городке был зыбким.

– Уносите отсюда ноги как можно скорее. Куда-нибудь в приличные страны, – посоветовала владелица постоялого двора. Но Мария Феоктистовна и слышать не хотела о том, чтобы покинуть Родину без старшего сына.

– Как же мы уедем, когда Николенька остается тут? Он же нас потом не найдет в этой Европе! – твердила она, и Павел Николаевич согласно кивал.

Как-то так само получилось, что заботы о семье легли на плечи Сони. Она нашла недорогую квартирку на тихой улочке, прилегающей к речушке под названием Водопадная. Семье пришлось смириться и с теснотой, и со старой разномастной мебелью. Зато у квартиры имелся просторный, застекленный на манер веранды, балкон, покоящийся над тротуаром на двух железных столбах. Погожими вечерами этот балкон заменял им гостиную. И эти вечера за

чайным столиком под хор цикад, лягушек и горлиц были такими уютными и мирными, что отступали все тревоги.

Софья довольно легко нашла работу в одной из контор, пригодилось умение печатать на машинке. И Павлушу пристроила курьером. Хоть и небольшие деньги, но и они позволяли семье не голодать и оплачивать проживание. Жизнь постепенно наладилась, как-то устоялась. Но Софью не оставляло ощущение зыбкости почвы под ногами, под тонкой поверхностью которой словно бурлила неведомая, но грозная сила.

Прошло около полутора лет. Немецкие мундиры на улицах Ялты сменились на военную форму добровольческой армии. Жизнь в городе все больше напоминала пир во время чумы. От Николая приходили тревожные письма, он писал, что удержать Крым, по-видимому, не удастся и настаивал, чтобы семья покинула отчизну. В марте пришла страшная весть о его гибели.

Лучше других членов семьи понимая ситуацию и зная характер брата, Софья внутренне была готова к этому удару, но вопреки всякой логике, она до последнего надеялась, что брат выживет в этом противостоянии, что однажды он вернется и скажет: «Уезжаем вместе, пора!». Не суждено.

В том же бою убили и Зину Бежанович. Ее смерть потрясла Соню не меньше, чем гибель Ольеньки Чекмаревой. Она закрывала глаза и видела юных смолянок в белых платьях, беззаботно кружащихся в вальсе на выпускном балу. Разве можно было тогда представить, что их жизни оборвутся так скоро и так жестоко?!

Смерть старшего сына подкосила здоровье родителей. Едва оправившись от удара, они сами заговорили об отъезде. Больше их на Родине ничего не держало. Однако попасть на корабль оказалось непросто. В городе назревала паника. Порт был заполнен военными, у причалов и на рейде стояли только военные суда. Деникинская армия эвакуировалась, гражданское население эти корабли почти не брали.

Семья Осинцевых провела в порту несколько дней, в надежде попасть на какой-нибудь корабль, и уже было все равно, в какую страну удастся добраться, лишь бы спастись. Наконец удача им улыбнулась, к причалу подошло гражданское судно. Осинцевы, стараясь держаться рядом друг с другом, стали пробираться в толпе поближе к кораблю. Как только с судна спустили трап, толпа хлынула к нему, сметая тех, кто послабее. Соню сначала отшвырнули в сторону. Она испугалась и заработала локтями, вцепившись в ручку чемодана, который как живой рвался из рук.

– Кончай посадку, убраться трап! – раздалась команда с борта над самой ее головой. Соня еще энергичнее заработала локтями. Она почувствовала доски трапа под ногами. Теперь толпа сама несла ее вверх. В голове билось: «Только бы не упасть, только бы не оступиться». Сильные руки матроса подхватили ее и поставили на палубу. И тут же толчок в спину: «Проходи, проходи, нето зашибут». Девушка пробиралась вперед по палубе озираясь в поиске родных. «Поднять якорь! Отдать швартовы!» – раздалась команда с мостика, перекрывая шум толпы.

– Мама! Папа! Петя! – кричала Соня, пытаясь отыскать своих.

– Сонечка! Деточка! – уловила она сквозь лязг якорной цепи откуда-то снизу и тут же увидела родителей. Они стояли на причале и растерянно смотрели на нее. Сквозь толпу тех, кому не удалось попасть на палубу, к ним пробирался Петя. Соня кинулась назад, к трапу, но тот был уже поднят.

– Пустите! Пустите меня на берег! – кричала она матросам, убирающим швартовы.

– Куды? Куды пустить-то, барышня? Вишь, отчалили уже!

– Вы не понимаете! Моя семья осталась там!

– Да-а..., дела... Ну, считай, тебе повезло больше.

Соня вновь кинулась к борту, с отчаяньем глядя на ширящуюся черную полосу воды между судном и причалом. Она решила прыгать, и уже перекинула ногу через ограждение, но чьи-то сильные руки обхватили ее за талию и втащили обратно на палубу.

– Пустите! Отстаньте! – вырывалась она. Оглянувшись, встретила взглядом с молодым мужчиной, чье лицо, казалось, сошло с иконы – такие же тонкие удлинённые черты, прямая линия бровей под высоким лбом, и внимательный взгляд глянцево-черных непроницаемых глаз.

– Мои родители остались там, на причале, – в отчаянье сказала Соня.

– И что теперь? Вы хотите разбиться у них на глазах? Или попасть под винт?

– Нет... – уже тише ответила она.

– Вот и ладно. Ну, случилось так, что ж теперь? Приплывут следующим пароходом. А вы дожидаетесь их в Константинополе.

– Вы думаете, приплывут?

– Надо надеяться.

Незнакомец разжал руки. Меж тем корабль отошел от причала и медленно разворачивался к выходу из бухты. Соня побежала на корму, чтобы в последний раз увидеть родные лица.

– Я буду ждать вас в Константинополе! – кричала она. Петя тоже что-то кричал ей, но шум машины и гул толпы заглушали их голоса. Судно уходило все дальше. И уже не различить ни лиц, ни людей на причале. Вот, наконец, берег скрыла голубая дымка, а Софья все стояла у борта и смотрела туда, где остались все, кто ей дорог и все, что ей дорого, вся ее недолгая пока жизнь.

Глава 7. Константинополь

К ночи разыгрался шторм. Палуба корабля, словно гигантские качели, то вздыбливалась под ногами, то ухала вниз. Холодные брызги вынудили Софью спуститься в душный, переполненный людьми трюм, однако она быстро почувствовала, что не сможет находиться там, в закрытом пространстве укачивало еще сильнее. Очередной приступ морской болезни погнал ее вновь на палубу. Цепляясь за поручни, Соня пробралась на корму и постаралась укрыться за бухтой толстого каната и накрытой брезентом спасательной шлюпкой. Бухта защищала ее от ветра, а брезент от брызг.

Вокруг сгустилась темнота, словно весь мир закрасили черной тушью. Красноватые лучи прожекторов, закрепленных на корме и мачте корабля, выхватывали из этой темноты пенящиеся волны, окрашивая водяную пыль в тревожный кровавый цвет.

У Софьи уже не было сил переживать, она приняла тот факт, что осталась одна и положила на волю Божью, просто сидела, забившись в закуток, как раненый зверек, и смотрела в темноту, борясь с подкатывающей тошнотой.

Бесшумно, словно призрак, рядом с ней возникла фигура в длинном дождевике.

– Вот вы где! А я уж думал, вы таки прыгнули за борт и отправились вплавь в Ялту. Разрешите присесть рядом?

Не дожидаясь ответа, мужчина уселся на палубу, откинул капюшон, и Соня узнала того самого человека, который помешал ей прыгнуть на причал. Помолчали.

– Да вы совсем замерзли, промокли... и, наверное, голодны? – спросил попутчик.

Тут только Соня вспомнила, что с утра ничего не ела, и ощутила острый приступ голода. Сумка с продуктами, приготовленными матушкой в дорогу, осталась у Пети. Мужчина вытащил из-за пазухи узелок, в котором оказалось несколько вареных картофелин, пересыпанных солью.

– Давайте-ка вместе перекусим... и согреемся немного, – он протянул ей фляжку.

Поколебавшись, девушка взяла картофелину, потом вторую. От самогона отказалась, но попутчик настаивал:

– Выпейте как лекарство, иначе простудитесь. В нашем положении не хватало разболеться!

Соня послушалась, отхлебнула обжигающей жидкости из фляжки, почувствовала, как живительное тепло разливается по ее телу, благодарно улыбнулась:

– Вы спасаете меня уже второй раз за день. Спасибо. Но зачем вы это делаете?

Мужчина пожал плечами, улыбнулся в ответ:

– Все мы братья и сестры по несчастью, надо поддерживать друг друга, чтобы выжить.

Соня уже не чувствовала себя такой потерянной и одинокой на этом корабле. Да и шторм как будто начал стихать. Слово за слово, и завязался разговор. Познакомились. Попутчик представился Богданом Игнатьевичем, Софья назвала себя.

– Софья Павловна Осинцева... – задумчиво повторил Богдан Игнатьевич.

– А его сиятельство граф Павел Николаевич Осинцев, случайно, не ваш батюшка?

– Вы знакомы с моим отцом? – удивилась Софья.

– Нет, лично не знаком, но читал его статьи о землеустройстве, крестьянском вопросе. Очень недурственные статьи. Вот не предполагал, что судьба сведет меня с его дочерью, да еще при таких обстоятельствах...

– В последнее время здоровье отца сильно пошатнулось. Его просто подкосила гибель Николая, старшего сына. А тут еще со мной такая история... Как-то он все это выдержит...

Соня доверчиво рассказала свою историю. Богдан слушал ее сочувственно, не перебивая.

Утро разбудило Софью криком чаек. Она обнаружила, что спала, положив голову на плечо вчерашнего знакомого и укрывшись его дождевиком. Странная ситуация. Но Софья уже устала удивляться тому, что с ней происходило. Она села, поправляя растрепавшиеся волосы. Вокруг корабля расстилалась спокойная водная гладь, словно не было никакого шторма. Впереди по курсу вставало солнце, окрашивая нежно-розовым светом чистое небо. А на западе гасли последние звездочки.

Соня разглядывала при свете утра спящего рядом мужчину. На вид ему было лет тридцать. Довольно высокого роста, худощавый, мускулистый, с покатыми плечами. Ладони узкие, словно женские, с длинными цепкими пальцами. Черты лица правильные, борода-эспаньолка придавала ему библейский вид. Тут Соня заметила, что Богдан Игнатьевич тоже рассматривает ее из под полуопущенных век. Губы его расплылись в улыбке:

– Ну что, Софья Павловна, кажется, утро у нас доброе?

Волею обстоятельств, сдружились они быстро, и на берег в Константинополе сошли вместе. Соня чувствовала себя гораздо спокойнее рядом с этим уверенным в себе и заботливым мужчиной.

– Поищем недорогой отель поближе к порту, отдохнем, а завтра будем ждать на причале прибытия следующего корабля из Ялты. Глядишь – и встретитесь вы со своими близкими, – ободрял Богдан Сою. И она верила, что так и случится, с интересом озиравшись по сторонам.

Впереди вдоль всего берега, сколько хватало глаз, расстился огромный город. На фоне синего неба рвались ввысь белые стрелы минаретов, круглились купола мечетей. Вверх по склону взбирались сотни домов под красными черепичными крышами.

Выбравшись из шумной толчеи на пристани, наши путники очутились на мощеной булыжником улице, плотно застроенной двух и трехэтажными домами. Дорогу то и дело перегородивали прилавки и навесы многочисленных лавчонок и магазинчиков с пестрым товаром.

Соня с любопытством рассматривала одеяния встречных женщин. Головы и плечи их поверх вышитых шапочек покрывали платки, концами которых турчанки тщательно закрывали лицо, лишь глаза блестели из-под черных бровей. Под длинными халатами мелькали ножки в шароварах и забавных остроносых туфлях с загнутыми вверх носками. Засмотревшись на прохожих, Соня чуть не налетела на ослика, нагруженного тюками так, что виднелись только печальная морда, да кончики копыт, цокая которыми по мостовой он неспешно прошел мимо.

– Софья, не отставай, потеряешься в толпе, – окликнул ее Богдан.

Поплутав по извилистым улочкам, заглянув в несколько встречных гостиниц, они, наконец, остановили свой выбор на небольшой чистенькой гостинице с зелеными решетчатыми ставнями, хозяин которой немного говорил по-французски. Сняли два одинаковых номера по соседству на втором этаже.

Оставшись одна, Соня огляделась. Ей досталась узкая, вытянутая как пенал комнатка с выбеленными стенами. В глубине вдоль стены стояла кровать, над которой висел небольшой ковер. Ближе к двери располагался умывальник с зеркалом, а у окна напротив двери стоял круглый столик и стул. Вот и все убранство. Но после палубы корабля Соня была рада этому островку тишины и покоя. Турчанка-горничная принесла кувшин с горячей водой и пушистое полотенце. Соня с наслаждением вымылась и растянулась на мягкой кровати. Прикрытые ставни создавали в комнате уютный полумрак, и она почти сразу уснула.

Разбудил ее гортанный крик уличного торговца. Вскочив, Соня распахнула ставни и поежилась от утренней прохлады. Осеннее утро влилось потоками света в комнатку. Меж черепичных крыш виднелись позолоченные кроны деревьев, а дальше, за домами, раскинулось синее-синее море. Незнакомые звуки и запахи восточного города, чужая речь, низкий далекий гудок парохода – все волновало и манило. Она быстро привела себя в порядок, надела светлое платье с узким кожаным ремешком, жакет, шляпку и вышла из комнаты.

В номере Богдана было тихо, на стук в дверь никто не ответил. Поразмыслив, Соня спустилась вниз в холл гостиницы. Хозяин, коверкая французские слова, объяснил, что «мсье из соседнего номера» ушел рано утром. Соня вернулась в свой номер и села у окна, не зная, что предпринять. Ветерок донес с улицы запах свежей выпечки. Все путешествие она питалась впроголодь, и вчера заснула, не успев поужинать, поэтому есть захотелось нестерпимо.

Со стороны моря вновь раздался гудок парохода. Соня подумала: «А вдруг это причаливает пароход из Ялты? Ведь семья не сможет разыскать меня в этом огромном городе! Нельзя терять время, сидеть и ждать Богдана. Мне надо быть на причале весь день».

Выйдя на улицу, она в нерешительности остановилась. Попыталась прочитать название гостиницы, не смогла, вернулась в холл. Расспросив хозяина, постаралась запомнить название отеля, что-то вроде «Есил кесе». И теперь уже более уверенно отправилась в сторону моря. Улица, разветвляясь, извивалась змеей. Ноги сами привели Софью к кондитерской, откуда так вкусно пахло свежей выпечкой и кофе. «Ничего страшного, если я быстренько позавтракаю», – подумала девушка и села за свободный столик. К ней, лучезарно улыбаясь, устремился симпатичный официант. Однако ни одного слова в его быстрой речи она не поняла. На помощь первому подошел второй официант, постарше.

– Мадмуазель русский? – спросил он, – Как платить? Мы принимаем только осман лира!

Софья открыла кошелек. Там лежали керенки, крымские рубли и немецкие марки. Официанты дружно помотали головами, лучезарные улыбки тут же исчезли, и, потеряв к ней всякий интерес, они удалились. А ей ничего не оставалось, кроме как покинуть кафе под насмешливыми взглядами других посетителей.

Чуть не плача от голода и унижения Соня шла по улице. Потом спохватилась, что, кажется, идет не в ту сторону. Повернула обратно, но за углом никакой кондитерской не оказалось. Она прошла еще несколько метров, свернула в одну улицу, потом в другую и поняла, что окончательно заблудилась, и уже не знает, в какой стороне ее гостиница, а в какой порт.

А вокруг кипела чужая жизнь, звучала непонятная речь. Две турчанки развешивали ковер на просушку на балконе второго этажа, и старшая что-то сердито выговаривала младшей. Из ворот дома напротив вышли мужчина в красной феске и женщина в расшитом шелком кафтане поверх платья. Мужчина запер ворота и деловито пошел вверх по улице, женщина молча засемила следом, придерживая узел с поклажей на голове. Город жил своей жизнью, и никому не было дела до потерявшейся в его улочках Сони.

Низкий пароходный гудок раздался слева. Софья рассудила, что главное сейчас поскорее попасть в порт, поэтому свернула налево, решив идти на звуки моря. Улицы по-прежнему изгибались, ветвились, но она ориентировалась по мелькавшим между крыш лазурным лоскуткам воды и, наконец, вышла на берег. Оглядевшись, поняла, что оказалась довольно далеко от порта. Идти по влажному песку было тяжело, тонкая ткань платья липла к взмокшему телу, однако возвращаться в паутину незнакомых улиц Соня не решилась, пошла по берегу мимо каких-то складов, контейнеров, груд ящиков, тюков.

Около одного из строений она увидела трех мужчин, сидевших на корточках вокруг костра. Все они с любопытством уставились на девушку. Она постаралась прибавить шаг, но один из турок нагнал ее, что-то спросил.

– Я не понимаю, – ответила Соня и почти побежала. Впереди показалась набережная с гуляющими людьми. Но преследователь не отставал, схватил ее за руку, потащил назад, к строению. Оттуда к ним приближались еще двое. Соня отчаянно вырывалась и кричала:

– Пустите!... помогите!... ой, мамочка!... Богдан!... Богдан!!!

Услышала, что кто-то бежит со стороны набережной. Мимо ее лица просвистел кулак, и турок кулем свалился к Сониным ногам, выпустив ее руку. Богдан, а это был он, повернулся к двум товарищам ее преследователя. Лицо его исказил звериный оскал, глаза сузились в щелочки и горели холодным огнем, отчего он стал похож на готового к нападению волка.

Турки развернулись и бросились наутек, не дожидаясь его кулака. Соня и сама испугалась его вида. Богдан шагнул к кромке воды, ополоснул лицо, и уже с обычным видом повернулся к Соне, спросил строго, как нашалившего ребенка:

– Пойдем на набережную, дорогой расскажешь, как тебя сюда занесло, и почему ты не дожидаясь меня в гостинице, как договорились.

Он перешагнул через пытающегося встать парня, взял ее за руку, увлек за собой.

– Но как?.. Откуда ты тут?...

– Это счастье, что я был тут, услышал твои крики.

Соня поежилась, представив, что бы с ней было, не окажись Богдан неподалеку.

– Откуда, откуда... Деньги нам на завтрак зарабатываю, лиры их османские, чтоб их...

– Как?

– А пойдем, сама увидишь как.

На набережной стоял небольшой складной мольберт. Рядом, на парапете, лежал уже виденный Соней чемоданчик, в котором оказались краски, кисточки, и измазанная красками палитра, а к мольберту был прикреплен незаконченный рисунок: вид на море, парусник, причал. Богдан взялся за кисти.

– Так ты художник? – удивилась Софья. – Ты мне об этом не сказал.

– А ты не спрашивала. Садись-ка на парапет, будешь моей моделью. На твой портрет покупатели точно найдутся.

Соня послушно уселась, подставив лицо осеннему солнышку и свежему бризу. Она думала о том, что Богдан прав, она рассказывала ему о своих злключениях, но не удосужилась поинтересоваться его историей. Обсуждались только ее проблемы. Или он сам переводил разговор на то, что ее волновало, предупреждая расспросы? Она совсем мало знает об этом мужчине, дважды за последние дни спасавшем ее. Соня смотрела на его вдохновенное лицо, обрамленное длинными волосами, на кисточку в ловких пальцах и думала о том, что ей интересно с этим человеком, хочется узнать, понять его.

Глава 8. Двуликий Янус

На смену долгой, теплой осени неизбежно пришла промозглая, ветреная зима. Вот когда Софья пожалела о теплых вещах, брошенных в вагоне под Ростовом! Ей пришлось распрощаться с любимыми серьгами, чтобы купить зимнюю одежду. Покупали вместе с Богданом в одном из многочисленных магазинчиков недалеко от гостиницы, поэтому Соня теперь, выходя на улицу, почти ничем не отличалась от обычной турчанки. Помимо тепла этот наряд имел то преимущество, что в нем она не привлекала внимания и чувствовала себя более защищенной. К тому же, в этом был элемент игры, новый образ забавлял ее, она чувствовала себя словно на маскараде.

Рано утром они с Богданом спешили по сбегаящей вниз к морю узкой улочке к набережной Эминеню. Там ее спутник раскладывал на парапете или на лавочке свои картины, расставлял мольберт и ждал заказчиков, покупателей, а Софья, купив по пути у уличного торговца горячий симит – бублик с кунжутом, и плотнее, по самые глаза, завернувшись в теплый платок, спешила дальше к Галатскому мосту. С надеждой вглядывалась она в корабли, входящие в акваторию внешнего порта, высматривая знакомый Андреевский флаг. Но суда, чаще всего, оказывались военными, немногие пассажирские приходили из других портов, из Ялты транспортников не было.

А вечерами или в штормовую погоду, когда корабли, опасаясь сильного течения, не заходили в Босфор, Соня помогала Богдану растирать краски, грунтовать холсты. Ей нравилось наблюдать за тем, как он рисует, как на холсте возникает и оживает знакомый пейзаж, приобретающая какой-то новый, несколько таинственный смысл. Но сам автор относился к своим творениям слегка пренебрежительно.

– Разве это живопись? – говорил он в ответ на Сонину похвалу. – Так, сувениры для невзыскательной публики. Но придет время и для настоящих картин.

Софью манили к себе холст, кисти, ей хотелось попробовать свои силы. Господин Зорин, учитель рисования в институте благородных девиц, хвалил ее способности, говорил, что у Осинцевой есть чувство гармонии, видение перспективы, плавность линий. У нее получались неплохие акварели, но вот с масляными красками работать не приходилось. Со стороны казалось, что в этом нет ничего сложного. Она попробовала – получилась грубая мазня. Богдана развеселила Сонина попытка, да так, что у девушки слезы навернулись. Заметив это, он прекратил насмешки и взялся объяснять азы работы с красками. Софью увлекли эти уроки. Она с восхищением наблюдала, как нарисованный ею цветок оживает под его кистью. Несколько уверенных мазков – и рисунок становится объемным, появляется восковая прозрачность лепестков, дрожащая капелька росы, в которой отражается целый мир. Волшебство! Софья оказалась способной ученицей, и пришел день, когда Богдан вполне искренне похвалил ее работу.

Однажды декабрьским вечером, за ужином, Богдан молча положил перед Софьей газету «LE SPECTATEUR ORIENTAL», изданную на французском языке. Среди прочих новостей была заметка о том, что после вывода войск Антанты, Добровольческая армия Врангеля не удержала Крым. Красные заняли весь юг России, повсеместно установлена советская власть. Там же говорилось о «красном терроре», о массовых расстрелах белых офицеров и дворян, не успевших покинуть Крым.

У Софьи все поплыло перед глазами, как сквозь вату доносился голос Богдана, убеждающий, что не следует отчаиваться и терять надежду.

– Твои родные вполне могли попасть на корабль, идущий в Грецию, на Кипр, в любой другой порт на Черноморском или Средиземноморском побережье. Скорей всего, так и получилось, ведь у них было время для эвакуации, – успокаивал он ее.

Но Соня понимала, что даже здесь, в Константинополе, разыскать человека, с которым разминулся, почти невозможно, что уж говорить про всю Европу! И шансов вновь увидеть родные лица, обнять маму, отца, брата практически нет. Эта статья словно подвела черту под ее прежней жизнью. Там, за чертой, остались девичьи мечты, тепло семейного очага, любовь близких, так и не сбывшиеся надежды, а здесь пустота, ночные кошмары, безразличие чужих людей и совершенно неясное будущее. Дни потеряли смысл. Незачем было ходить в порт, нечего ждать. Часами сидела Софья у окна, уронив на колени руки, и глядя в одну точку. Перед ее мысленным взором всплывали картины недавнего прошлого: утро в их имении, матушка с Агашей на веранде, перебирающие вишню, запах варящегося варенья, поездки верхом на дальнюю пасеку с отцом, его раскрасневшееся, веселое лицо, братья и Серж, играющие в лапту на лужайке. Тогда для Сонечки это были просто обычные летние дни, мечты уносили ее в будущее, казалось, что счастье где-то там, впереди. Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что это и было счастье, ушедшее безнадежно.

Однако новые проблемы вывели Софью из состояния апатии. Безденежье грозило голодом и бездомностью. Холодный зимний ветер выдул с набережных и площадей праздную состоятельную публику. Никто не заказывал портреты, картины продавались плохо. Чтобы заплатить за гостиницу, купить самое необходимое, приходилось закладывать золотые монеты и кольца из заветного пояска. Сначала Богдану удавалось выкупить и вернуть ей заложенную вещь, но потом его заработка уже не хватало на это, и фамильное золото уходило в ломбард безвозвратно.

Как-то за ужином Богдан, мрачно катающий хлебный шарик по столу, прервал затянувшееся молчание.

– Надо что-то решать, как-то выбираться в Европу. Здесь я никому не нужен, не удастся зацепиться... чужие обычаи, чужой язык. Париж, Париж... Париж недосягаем... пока. Попасть бы в славянскую страну, и язык легче выучить, и русское эмигрантское сообщество поможет на первых порах.

– А я? Со мной как же? – испуганно спросила Соня.

– Ну, вместе, разумеется. Тебе одной здесь оставаться никак нельзя. У тебя здесь только два пути: в лучшем случае в гарем, в худшем, сама понимаешь, в бордель. Год, два – и нет тебя.

Софья содрогнулась:

– Лучше сразу с обрыва в море.

– Денег у нас совсем мало... У тебя что-то еще осталось? Чтобы на билеты, бумаги хватило.

Соня дотронулась до потайного пояска.

– Осталось, но уже совсем мало... на дорогу, наверное, хватит.

– Ну, значит, завтра займусь хлопотами.

На следующий день Богдан пришел в комнату Софьи озабоченный.

– Тут такое дело. Колечко твое я продал, на билеты на пароход хватит, даже вторым классом. Но вот в чем загвоздка: с моими документами проблем нет, а вот с твоими – проблема. Девушке без мужа, без родителей, какого-нибудь родственника мужского пола разрешение на выезд не дают. Здесь мусульманские законы.

– Что же делать? – Соня смотрела на Богдана испуганными глазами.

– Выход только один – зарегистрировать брак. Тогда, в качестве моей жены, ты беспрепятственно выедешь из Турции.

Софья прошла по комнате, опустилась на стул.

– Но, мы же... Ты делаешь мне предложение?

– Можешь понимать и так. Но вообще, я просто предлагаю тебе выход в сложившихся обстоятельствах.

– Я должна тебе честно сказать, что испытываю к тебе только дружеские чувства. Ты ко мне, я думаю, тоже. Я тебе очень благодарна, но для брака ведь этого мало.

– Это может быть фиктивный брак. В Европе, если захочешь, можем развестись, главное, выбраться отсюда. Я волк-одиночка и не горю желанием связать себя брачными узами до конца дней.

В голосе Богдана проскользнуло раздражение. И тут же он сменил тон, подошел, погладил склоненную головку девушки, сказал ласково:

– Решайся, девочка моя, решайся! Обещаю, что между нами так и останутся дружеские отношения, пока ты сама не захочешь иных.

– Тогда я согласна. Только...

– Что «только»?

– Извини, но мне бы не хотелось становиться мадам Пидпузько, – осторожно сказала Соня.

Богдан стеснялся своей фамилии, и Софья только недавно узнала ее, случайно увидев закладную из ломбарда. Он тогда здорово обиделся на неосторожный смех девушки, и ей пришлось извиняться.

– А тебе и не придется. Мы можем оставить не мою, а твою фамилию. Конечно, здесь это не принято, но небольшая мзда, я думаю, решит дело.

Всю ночь Софья ворочалась без сна. Она вспоминала Сержа, летний луг, стрекот кузнечиков, букетик с алыми капельками земляники, милый ласковый голос, от которого трепетала ее душа, его «Вы согласны стать моей женой?» и свое смущенное «да». Вспомнила, как видела себя в мечтах в белоснежном платье, в кружевном облаке вуали у алтаря, рядом с Сержем, вспоминала нежность и ласковую задоринку в его взгляде...

А вместо этого – фиктивный брак с мещанином Пидпузько в турецкой мэрии. И дело даже не в социальном неравенстве, разнице воспитания, менталитета. Соня его не понимала! Не понимала хода его мыслей, не понимала его отношения к себе. Конечно, Богдан не раз спасал ее, не бросил в чужой стране одну, беспомощную, заботился о ней вот уже почти пять месяцев. И в то же время настораживало мелькавшее в разговоре раздражение, которое он тут же старался скрыть. Порой она ловила на себе странный, словно приценивающийся взгляд, который он поспешно отводил. Они проводили рядом довольно много времени, но этот человек по-прежнему оставался закрытой книгой. Софья ничего не знала о его детстве, родителях, о причинах, побудивших покинуть Родину, ведь он не был ни офицером, ни дворянином, ни состоятельным фабрикантом или купцом.

Чем больше она думала об этом, тем тревожнее становилось у нее на душе, и сон бежал от нее, подушка казалась бугристой, руки-ноги леденели под тонким одеялом.

– Ах, Сережа, Сережа, ведь ты обещал вернуться! Если бы не эти проклятые войны! – соленые слезы стекали по щекам на подушку.

На следующее утро в местной мэрии зарегистрировали брак мещанина Пидпузько с графиней Осинцевой. Вся церемония заняла меньше пяти минут. Софья расписалась в канцелярской книге там, куда ткнул толстый палец чиновника, и они вышли под плачущее мелким дождем февральское небо Константинополя. Вечером, после обычного ужина, Богдан проводил теперь уже жену до ее комнаты и ушел к себе.

Соня долго просидела у окна, не в силах заснуть. Беспольная книга лежала на коленях. Она думала о том, что, может быть, все не так уж плохо складывается, что, возможно, со временем между ними возникнут более нежные чувства, возможно, она даже сможет понять и полюбить мужа. Все-таки ей уже двадцать четыре года, давно пора иметь семью. Мир вокруг устроен для мужчин, а девушке без семьи, без защитника и кормильца в нем сложно выжить. Ей было бы намного проще принять свой брак, если бы со стороны мужа она ощущала любовь, нежность. А может быть, он просто иначе выражает свои чувства? Ведь он рос в другой среде.

Если бы Софья могла заглянуть в соседнюю комнату, ей многое стало бы понятно!

Вернувшись в свой номер, Богдан налил в стакан немного воды, плеснул туда хорошую порцию раки из неизменной своей фляжки, отхлебнул жгучую, ставшую молочно-белой жидкость, с довольной улыбкой подошел к зеркалу.

– Желаю здравствовать, Ваше сиятельство, новоиспеченный граф Осинцев! Ты таки провзвонил это дельце, не упустил свой шанс! Пусть теперь Одесская полиция, или милиция, как их там, разыскивает мещанина Пидпузько... Можно считать – выпутался... Хм... А если господь большевиков все же попрут из власти, то ты можешь стать состоятельным домовладельцем и помещиком, чем черт не шутит?

Богдан чокнулся со своим отражением, подмигнул ему, залпом допил раки и тут же плеснул себе еще. Потом, блаженно растянувшись на кровати, он обдумывал все преимущества своего нового положения. Он, конечно, знал, что по закону никакой он не граф, по женской линии титул не передается, но кто в нынешней ситуации разберется, настоящий он граф или нет. Большевики титулы вообще отменили, а среди эмигрантов царит неразбериха. Фамилия на слуху, этого достаточно. К тому же подпись «Осинцев» на картинах выглядит куда достойнее, чем «Пидпузько», а следовательно, продавать их можно дороже, и в его случае безопаснее.

Вскоре опустевший стакан выпал из руки, и Богдан безмятежно заснул.

Конец февраля в Константинополе это уже весна. На газонах молодые, дерзкие ростки пробиваются сквозь пожухлую прошлогоднюю траву, кусты и деревья покрываются нежной зеленью, из-за заборов пушистыми солнечно-желтыми куполами выглядывают кроны мимоз, распространяя в воздухе тонкий сладкий аромат, на ветвях магнолий набирают силу лиловые кулачки бутонов.

Таким ярким весенним утром чета Осинцевых попрощалась с хозяином гостиницы. В последний раз они прошли знакомыми улицами до порта и, наконец, отплыли на корабле в Европу.

Солнечные блики переливались на изумрудном шелке моря, легкий бриз играл волнами и тормозил непослушные локоны Софьи. Богдан расположился в соседнем шезлонге с альбомом на коленях и рисовал очередной ее портрет на фоне моря, чаек, исчезающего в морской дали берега. Пассажиры, прогуливающиеся по палубе, кто с улыбкой, кто с завистью поглядывали на красивую пару, на то, как заботливо муж укутывает пледом колени молодой жены. И настроение у Осинцевых было таким же безоблачным, как небо над их головами.

К вечеру ветер посвежел, они отправились в свою каюту. В ее тесном пространстве было две полки, одна над другой, откидной столик под круглым иллюминатором, за хлипкой переборкой располагался умывальник, небольшое зеркало над ним и ниша с вешалкой напротив – вот и все убранство. Разобрав вещи, Софья устроилась с книгой на нижней полке, а Богдан, немного отдохнув на верхней, отправился пройтись по кораблю.

Время шло. Чем ближе надвигалась ночь, тем тревожнее становилось на душе у Сони. Впервые ей предстояло ночевать в одном помещении с мужчиной. Начитавшись французских романов, она ждала, волновалась, и в то же время боялась. А ее спутника все не было.

Разбудил ее стук распахнувшейся двери. На пороге, покачиваясь, стоял Богдан. Он захлопнул дверь, шагнул к ней, сорвал с нее одеяло, навалился всем телом. Мольбы, слезы, только раззадорили его. Дыша ей в лицо перегаром, путаясь в ее ночной рубашке, он впился в губы, не давая кричать, не давая дышать. С треском порвалось кружево...

Потом он уснул, раскинувшись на нижней полке, а Соня сидела на полу, сжавшись в комочек и вытирая безостановочно текущие слезы. То, что ей в девичьих грезах представлялось великим таинством, вершиной любви, оказалось отвратительным, ужасным, а человек, в котором она видела друга и защитника, был безжалостным насильником. Мир перевернулся, и как в нем жить она не знала. Хотелось одного – умереть. Соня накинула поверх порванной рубашки шаль и выбежала из каюты. По пустынной палубе добежала до борта, перегнулась

вниз. Черная бездна разверзлась перед ее глазами, и в этой бездне разбивая воду, взбивая белую пену, крутились лопасти огромного колеса. Софья представила, как ее затянет в этот механизм, как он превратит ее тело в кровавое месиво, и в ужасе отпрянула от борта.

– Что, дамочка, не спится? Скучаете? Могу я скрасить ваше одиночество? – раздался за ее спиной вкрадчивый голос. В двух шагах стоял подвыпивший господин и разглядывал ее масляными глазками. Соня испуганно отшатнулась, почуяв новую опасность, и бросилась назад в каюту.

Богдан безмятежно спал на нижней полке, слегка похрапывая и постанывая во сне, а Соня до рассвета не сомкнула глаз, забившись наверх и вздрагивая от каждого звука, доносившегося снизу. Чуть свет, едва матросы принялись драить палубу, она, стараясь двигаться бесшумно, оделась потеплее, и выскользнула из каюты, словно из клетки со спящим хищником.

Холодный, промозглый ветер гнал клочья тумана, скрывавшего очертания корабля. Судно двигалось медленно, время от времени издавая протяжные, как стоны, тревожные гудки. Казалось, лучи солнца никогда не пробьются через столь плотную пелену. Лицо и одежда Сони быстро покрылись капельками влаги. Дрожа от холода, девушка шла наугад, лишь бы не стоять на месте. Из тумана вынырнула фигура матроса и вновь скрылась в пелене. Как ни странно, его появление разогнало чувство безысходности, заползшее в ее душу. Вокруг нее, в этом тумане, были люди. Соня увидела мягкий свет, струившийся из окон кают-компания, она на ощупь нашла дверь. Внутри было тепло и уютно. В одном из кресел сидела с книгой старушка, мучимая бессонницей. Соня устроилась поодаль под сенью разросшегося фикуса и, пригревшись, почти сразу заснула.

Разбудил ее чей-то пристальный взгляд. Старушка уже ушла, на ее месте расположилась семейная пара с двумя непоседливыми детьми. За окнами посветлело, туман почти рассеялся. В соседнем кресле сидел Богдан.

– Доброе утро, женушка! Еле тебя нашел. Что это ты спозаранку сбежала из каюты? – голос Богдана был приветлив, но взгляд насторожен.

– Как... как вы можете? Как вам не совестно?! – Соня от возмущения перешла на «вы», язык не повернулся сказать теплое «ты». – Ведь вы обещали, что брак будет фиктивным!

Взгляд Богдана моментально стал колючим, пальцы сжались в кулаки. Подавшись в ее сторону, он тихо, но жестко сказал:

– Забудь это слово. Я о тебе забочусь отнюдь не фиктивно. Я выполняю все обязанности мужа по отношению к своей жене, ты не можешь это отрицать. Будь добра, выполняй и ты обязанности жены, хотя бы частично. Я не требую, чтобы ты варила мне борщи или крахмалила рубашки. Пока не требую. Но одну обязанность ты должна исполнять! Не пристало женатому мужчине бегать по непотребным девкам. Так что, дорогая, веди себя, как положено жене, и тогда не будет этого, – он коснулся пальцем ее запястья, на котором из-под тонкой полоски кружев явственно проступили синяки.

– А сейчас вставай, и пойдем завтракать, я проголодался. Я сказал: пойдем, дорогая!

И это «дорогая» прозвучало хлестко, как пощечина. Богдан встал, глаза его угрожающе сузились. Софья, испугавшись, что сейчас он ее прилюдно ударит, поднялась и пошла к выходу. Он распахнул перед ней двери и подчеркнуто галантно пропустил вперед, победно улыбаясь, взял под локоток.

Глава 9. «Прелести» семейной жизни

Над Сплитом, конечным пунктом плавания, занимался рассвет. Темный силуэт Мосорских гор четко вырисовывался на фоне алой полосы зари. Город еще спал, укрытый тенью. Спали дома под красными черепичными крышами, закрыв разноцветными ставнями свои глаза-окна, спали фонтаны на площадях, спали в теплых постелях горожане. Ночной сумрак все дальше уползал в узкие щели улиц. Высоко в небе таял похожий на мираж белый серпик луны. А на лазурной глади залива уже плясали солнечные блики, тревожа спящих чаек. Лучи солнца дотянулись до белокрылых яхт, покачивающихся у длинных причалов, и окрасили их в нежный розовый цвет. К дальней пристани скользили одна за другой рыбацкие шхуны с уловом. На берегу, зевая и пряча озябшие руки в карманах, ждали их торговцы рыбой.

С борта корабля, стоящего на рейде в ожидании лоцмана, Софья печально смотрела на этот прекрасный, но чужой берег. В каком восторге была бы та, прежняя, девушка Сонечка, попади она в этот райский уголок со своей семьей, с матушкой, батюшкой, братьями! Как славно было бы гулять всем вместе по этой набережной, купаться в чистых волнах Адриатики! А у Софьи нынешней чудесный вид вызывал только печаль. Ничего хорошего от жизни она уже не ждала. Про себя решила, что при первом же удобном случае уйдет от мужа и вернет себе свободу. Но одно дело решить, другое сделать, документы ее были у Богдана, а в карманах не лежало ничего, кроме вышитого носового платочка.

Надежды Богдана на помощь русской эмигрантской общины оправдались, Осинцевых приняли доброжелательно, не особенно вникая в детали, помогли на первых порах зацепиться в чужом краю. Люди, волею судеб заброшенные в иную культуру, стремились сохранить русский дух, поддержать друг друга. Нашлись энтузиасты, которые сумели создать свою театральную труппу. Богдану предложили в ней место художника. Он рисовал афиши, мастерил декорации, раскрашивал костюмы из простого полотна. Соня помогала ему, чем могла. Денег это приносило совсем немного, едва хватало на жизнь, но зато здесь звучала родная речь, и она не чувствовала себя в изоляции, вокруг были соотечественники, такие же изгои как она.

Очень скоро Осинцевы перебрались вместе с труппой в Загреб. Здесь нашлась работа и для Сони. Ее взяли горничной в один из отелей, в нем они и обосновались, сняв самый недорогой номер. Соне выдали темно-синее форменное платье, белый передник и кружевную наколку для головы, а также вручили тележку с уборочным инвентарем. Катая ее по ковру длинного коридора, она старалась не смотреть на свое отражение в высоких зеркалах.

Несколько лет назад Осинцевы отдыхали на водах в Карлсбаде. Они снимали два роскошных номера в гранд-отеле Рурр. Сонечка тогда не задумывалась, кто в них убирает. Платья, брошенные на кресло перед прогулкой, оказывались аккуратно повешенными в шкаф, кровати, словно сами собой, заправлялись, зеркала и кафель в ванной сияли чистотой, а полотенца были неизменно свежими. Она не видела горничных, чьими руками все это делалось, или, скорее всего, просто их не замечала.

И вот теперь ей самой пришлось заправлять чужие постели, до блеска начищать медные краны и дверные ручки, чистить ковры, протирать зеркала и убирать разбросанные постояльцами вещи. И уже ее не замечали в коридорах отеля, проходя мимо, словно она была частью обстановки. Софья не могла к этому привыкнуть и с каждым днем чувствовала себя все хуже. К уязвленной гордости присоединились физические недомогания: непонятная слабость, головокружения, по утрам появилась тошнота.

Как-то за завтраком в кухне отеля Софье внезапно стало плохо. Богдан спас ее от конфуза, мгновенно сунув свою салфетку. Потом, оставив незаконченный завтрак, за руку отвел назад в номер. Задав несколько вопросов, он отвернулся к окну, некоторое время барабанил

пальцами по подоконнику и смотрел на улицу. Соня молча сидела на краешке кровати, бледная, как простыня, и виновато смотрела в пол.

– Приплыли, – раздраженно произнес Богдан. – Ты хоть понимаешь, как некстати сейчас эта твоя беременность?! Ни жилья нормального, ни заработка приличного...

– Беременность? Ты что, думаешь, что я...? – растерялась Соня.

– А тут и думать нечего, пора бы уже соображать, что к чему, не девочка чай, – зло ответил он, – нашла время...

– Ты что, хочешь сказать, что я сделала это с собой сама? Назло тебе? – у Сони от обиды высохли слезы, и распрямились плечи.

Богдан сбавил тон.

– Ну, нет, конечно. Ты права, твоей вины в случившемся нет. Это скорее моя вина, мне и решать эту проблему.

Он подошел, погладил ее по склоненной голове, – Не переживай, я найду выход.

Все последующие дни Соня жила с постоянной мыслью, что внутри ее тела поселилось что-то инородное, нежеланное. Это существо часто напоминало о себе приступами дурноты, вызывало страх и протест.

Спустя примерно неделю, поздним вечером, муж вернулся откуда-то довольный.

– Давай, быстренько собирайся, поедешь как королева, на авто, – сказал он, потирая руки.

– Куда?

– Давай, давай, быстрее! Нас ждут. Дорогой объясню.

Около черного входа в отель действительно стоял автомобиль с включенными фарами. Не успев опомниться, Соня оказалась на холодной кожаной подушке сидения. Дверь захлопнулась, мотор заурчал, и машина, набирая скорость, помчалась в надвигающуюся темноту.

– Сегодня мы твою..., то есть нашу проблему решим. Вот Бранко помог, – Богдан показал на водителя, хорвата лет тридцати, – подсказал к кому обратиться. У него в Костайницах живет тетка.

– Теткица Ружа, – кивнул Бранко.

– Так вот, эта тетка Ружа, – продолжил Богдан, – опытная повитуха, многим женщинам в такой ситуации помогла, поможет и нам. Стоят ее услуги недешево, но главное сейчас избавиться от беременности.

Машина, вдоволь пропетляв по узким улочкам Загреба, выехала на шоссе. Огни города остались позади, темные кусты вплотную подступили к дороге, только свет фар прорезал майскую ночь как два кинжала. В их ярком свете из кустов выскочил заяц, и в три прыжка перемахнув дорогу перед самым носом машины, скрылся из виду.

– Проклетство! – тихо выругался Бранко.

Было уже за полночь, когда они въехали во двор обычного сельского дома на окраине Костайницы. Их встретила высокая, сухая, показавшаяся Соне суровой, старуха, провела в горницу, едва освещенную керосиновой лампой. В углу перед образами мерцала лампадка. Указав гостям на лавку, тетка Ружа скрылась с племянником за занавеской. Разговор продолжался довольно долго. Соню все сильнее бил нервная дрожь. Наконец Бранко с Ружей вернулись. Он кивнул Богдану и поманил его за дверь.

– Я буду ждать тебя в авто, – шепнул Богдан Соне, – потерпи немножко, через полчаса все будет позади. И не бойся, я рядом.

Соня осталась одна со старухой, казавшейся ей еще суровее. Повитуха отодвинула стол от стены, застелила его чистой простыней, пододвинула стул, лампу, поставила на табурет таз, принесла ведро с горячей водой. Движения ее были быстрыми, уверенными.

– Скинути та лаги[1], – Ружа знаками показала Соне, что ей надо сделать,

– брже[2]!

Трясущимися руками Соня разделась и легла на стол, вцепившись в края столешницы. Ружа достала из буфета бутылку, плеснула прозрачную жидкость в стакан, заставила Соню выпить. Крепкая граппа обожгла горло, разлилась по телу, унимая дрожь. Затем старуха подала Соне скрученное жгутом полотенце, велела сжать зубами. Соня смотрела на тени, колеблющиеся на беленом потолке, на развешенные вдоль темных балок пучки трав.

Боль влилась в ее тело огненной рекой, река ширилась, заполняя все ее существо. Вцепившись до хруста в пальцах в края столешницы, Соня уговаривала себя, что вот сейчас, еще немножко, и все кончится, сейчас, сейчас этот ужас прекратится! Но боль все росла, становясь нестерпимой. . . Тени на потолке угрожающе ползли к ней со всех сторон. Последнее, что она услышала, был металлический звук и возглас Ружи : «Проклетство!!!».

Очнувшись, Софья обнаружила, что лежит на широкой лавке в тесном закутке за печкой. Пятно солнечного света, пробравшегося сквозь маленькое оконце, медленно скользило по цветастой занавеске. Откинув лоскутное одеяло, Соня попыталась сесть, увидела окровавленные рубашку и простыню, все поплыло перед ее глазами, и она вновь провалилась в темноту.

Когда она снова пришла в себя, был уже вечер. Над ней склонилась Ружа с кружкой в руке.

– Пиче, пиче[3]! – повторяла она.

– Это надо выпить, – услышала она голос Богдана. Он сидел на лавке у нее в ногах.

В кружке был пахучий и горький травяной настой. После нескольких глотков в голове у Сони прояснилось, стих навязчивый звон в ушах. Она вновь попыталась сесть, но рука старухи прижала ее к постели.

– Тебе нельзя пока вставать. Придется пожить несколько дней у Ружи. А когда поправишься, я за тобой приеду. Напугала же ты нас всех! – сказал Богдан.

В его словах Соня услышала упрек и вновь привычно почувствовала себя виноватой.

Час за часом, день за днем Сонечка набиралась сил. Ружа отпаивала свою пациентку отварами трав и куриным бульоном, гладила ее по голове, по белой руке, лежащей поверх одеяла, тихонько что-то приговаривая на своем языке. Многие хорватские слова схожи по звучанию с русскими, поэтому женщины понимали друг друга. Повитуха уже не казалась Соне страшной старухой.

Пришел день, когда она, держась за стены, смогла выйти на крыльцо. Майское утро встретило ее целым букетом из солнца, ярких красок, запахов и звуков. Дом Ружи стоял на высоком месте, и весь городок Костайница был как на ладони. Присев на ступеньку высокого крыльца, она залюбовалась аккуратными домиками, сбегаящими по пологому склону холма к излучине спокойной реки, легкими перышками облаков, плывущих в бескрайнем небе, рыжей кошкой, осторожно пробирающейся по колям плетня, гуляющими по двору голенастыми курами с необычно мохнатыми лапами. После болезни это торжество жизни кружило голову. Как жаль, что эта спокойная и понятная жизнь чужая, и ей, Соне, нет в ней места!

Вечером следующего дня за ней приехал Богдан и увез в Загреб. Вновь потянулись дни, до отказа наполненные тяжелой работой, и вечера в тесном номере, бок о бок с вечно раздраженным и часто подвыпившим мужем.

Софья старалась не рассматривать свое отражение в зеркалах, там она видела какое-то чужое лицо. Куда девался блеск карих глаз, нежный румянец, кстати и некстати заливавший бархатистую округлость щек, шелковая мягкость волос? Из зеркала на нее жалобно смотрело бледное худое лицо с ранними морщинками в уголках глаз, обрамленное тусклыми непослушными прядями темных волос. Черты лица приобрели некоторую ассиметричность, одна бровь привычно поднималась выше другой, отчего лицо приобретало виновато-просящее выражение.

Софья надеялась, что после ее болезни Богдан оставит свои ночные притязания, но очень скоро надежды рухнули. В ответ на ее опасения муж сказал:

– А тебе теперь бояться нечего, тетка Ружа предупредила, что беременеть ты больше не сможешь. Что-то там пошло не так... то ли ты дернулась, то ли у нее рука дрогнула, то ли инструмент сломался... В общем, детей у нас не будет. Может оно и к лучшему, самим бы выжить... Имей в виду, что никому, кроме меня, ты такая не нужна. А я тебя не брошу. Цени!

Соня в тот момент не осознала весь ужас того, что он сказал, наоборот, испытала облегчение, что больше ей не грозит оказаться вновь на столе у Ружи.

Шли дни. Приближалось Рождество, в воздухе витало предвкушение праздника, делая людей добрее. Одна из постоялиц, уезжая, оставила хорошие чаевые для горничной, этих денег как раз хватало на теплые ботиночки со шнуровкой и меховой опушкой, выставленные в витрине обувного магазина. Соня давно любовалась на них. Ее ботинки прохудились, поэтому она старалась поменьше выходить из отеля. Деньги были незапланированные, и она решила, что может сделать себе такой подарок к Рождеству. Новые ботиночки пришлось как раз впору, Соня не спеша шла вдоль улицы, мимо нарядных витрин, мимо сияющих фарами машин, ей казалось, что все прохожие замечают ее теплую и модную обнову.

Богдан был уже дома, навеселе и сильно не в духе. У него случился конфликт с дирекцией труппы. Ему пришлось сдерживать свой гнев, чтобы не потерять место, зато сейчас невысказанное кипело, бурлило в его голове и требовало выхода.

– Где тебя носило? – зло спросил он. – Ты час назад должна была закончить работу. И что это у тебя на ногах? Откуда это?

Соня, чувствуя, что назревает скандал, начала сбивчиво объяснять про чаевые, про худые старые ботинки. Не спеша муж подошел к ней вплотную. Глаза его приобрели уже знакомый ей хищный блеск. Он забрал из ее рук ботинки, отбросил к двери, и вдруг молниеносным движением ударил по лицу. Соня потеряла равновесие и упала на пол. Он навалился сверху, придавил коленом грудь. Прямо над собой она увидела волчий оскал, остекленевший яростный взгляд, точно такой, какой видела на константинопольском пляже, только теперь он был обращен на нее.

– Я, вместо того, чтобы картины писать, вынужден гроши зарабатывать, а ты, дрянь, наряды покупаешь?! Убью!

Она попыталась вырваться, но он только сильнее придавил ее коленом, так, что хрустнуло ребро, на нее обрушился град пощечин. «Забьет насмерть...» – в отчаянии думала Софья. И вдруг, как озарение, пришла спасительная мысль.

– Отпусти, милый, мне неудобно, – услышала она свой голос, спокойный, даже доброжелательный, словно они просто лежат рядышком и отдыхают.

От неожиданности Богдан на мгновение замер, слегка отстранился, ослабив хватку. Этого ей хватило, чтобы ужом вывернуться из-под него и кинуться к ванной комнате. Она успела накинуть крючок, прежде чем он рванул за ручку. Дверь сотрясалась от рывков и пинков. Соня побелевшими пальцами намертво вцепилась в крючок, с ужасом видя, что шурупы потихоньку вылезают из пазов. На ее счастье дверная ручка не выдержала первой, оторвалась. Дверь ванной открывалась наружу, поняв, что ему ее не выбить, Богдан сменил тактику.

– Ладно, Соня, поругались, и хватит. Выходи, давай спокойно поговорим, – примирительно сказал он.

Она слышала, как муж ходит за дверью, словно зверь в клетке.

– Я погорячился, прости, дорогая! Выходи, спать пора, – раздавался его вкрадчивый голос.

Соня молчала, по-прежнему вцепившись в крючок. Босые ноги заледенели на холодном кафеле. За дверью все стихло. Она рассматривала себя в зеркало. Лицо на глазах распухало, становясь багровым.

Ей вспомнилась их кухарка Ульяна, на добром лице которой частенько появлялись синяки. Маленькая Сонечка жалела ее, прижималась к теплому мягкому боку, ненавидела и

боялась ее мужа, хмурого жилистого детину, служившего в их доме истопником. Матушка не раз строго выговаривала ему, но тот только молча переминался с ноги на ногу, пряча колючий взгляд под густыми космами волос. Разве могла Соня представить, что то же самое случиться с ней самой?! Впрочем, синяки Уляны не шли ни в какое сравнение с тем, что сделал с ней Богдан.

Намочив полотенце, она прикладывала его к щекам. В груди при каждом вздохе возникала боль. Слез не было, голова была ясной, мысли четкими, все сомнения, опасения ушли, план действий сложился сам собой.

[1] Скинути та лаги – раздевайся и ложись (хорв.)

[2] Брже – быстрее (хорв.)

[3] Пиче – выпей (хорв.)

Глава 10. Путь к свободе

Время тянулось невыносимо медленно. В номере было тихо. Наконец Софья решилась осторожно выглянуть из ванной. Богдан спал одетый, лежа поперек кровати. Рядом валялась пустая фляжка. Стараясь двигаться бесшумно, Соня наскоро сложила в чемодан свои вещи. Оставалось главное – найти свой паспорт.

Комната едва освещалась тусклым светом уличного фонаря, в полумраке Софья рылась в вещах мужа. Ее не покидало чувство, что Богдан стоит за ее плечами, она испуганно оглядывалась, однако он по-прежнему спал. Документов нигде не было. Софья понимала, что впадать в отчаяние сейчас никак нельзя, надо думать. Скорей всего, муж постоянно держит их при себе. Что у него всегда с собой? Пиджак! Соня кинулась к вешалке, во внутреннем кармане лежал сверток, в нем оказались деньги. Она переложила их в свой ридикюль, поколебавшись, несколько купюр оставила на комод. Документов не было. Скомкала пиджак, рука наткнулась на что-то твердое, зашитое в подкладку. Маникюрными ножницами торопливо разрешила ткань – вот он, ее паспорт, путь к свободе открыт!

Софья надела пальто, шляпку с густой вуалью, подхватила чемодан и шагнула к двери, замок оказался заперт, ключа на месте не было. Со стороны кровати раздался кашель, шорох. Сердце беглянки оборвалось. Повозившись, Богдан снова затих. Время неумолимо шло, скоро придут на работу служащие отеля, весь план побега был на грани срыва, надо было спешить. Соня заставила себя подойти к кровати. Муж спал на правом боку, поджав ноги. Она смотрела на размякшие во сне черты лица, несвежие пряди волос, тонкую струйку слюны на щеке. Неужели еще недавно это лицо казалось ей красивым, а его обладатель умным, интересным, немного загадочным? Неужели в нем она видела своего защитника? Как же можно было так заблуждаться?! Перекрестившись, женщина осторожно засунула пальцы в слегка оттопырившийся карман и – о, удача! – вытащила ключ.

Через минуту беглянка была уже в коридоре, бесшумно заперев за собой дверь, подхватила свой чемодан, на цыпочках поспешила к лестнице. Злополучные ботинки несла в руке, чтобы не стучать каблучками. Перед последним пролетом лестницы осторожно выглянула в холл. Дежурный портье спал за стойкой, уронив голову на руки. Соня знала, что плату за последний месяц они еще не внесли, поэтому попадаться ему на глаза с чемоданом в руках было никак нельзя. Едва дыша, пересекла холл и, толкнув тяжелую резную дверь, опрометью бросилась в одних чулках по сырой снежной каше к ближайшему углу, слыша за спиной предательский звон колокольчика. Портье за стойкой встрепенулся, удивленно оглядел пустое помещение, вышел на улицу, убедившись, что и там никого нет, решил, что звон колокольчика ему приснился и, поеживаясь от холода, вернулся в теплое помещение. Соня перевела дух, главное было сделано. Натянув на мокрые чулки новые ботинки, она пониже опустила вуаль, выкинула в урну ключ от номера и подхватила чемодан.

Железнодорожный вокзал был недалеко, но чтобы попасть туда, надо было пройти мимо стеклянной двери гостиницы, огромных окон холла и под окном номера, где спал, или, возможно, уже проснулся муж. Соня решила не рисковать, обойти здание с другой стороны. Проулок привел ее в тупик. Вернувшись немного назад, она свернула в узкую улочку, потом в другую и оказалась на маленькой площади, с которой разбегались в разные стороны сразу несколько проулков. Место было незнакомое, Софья поняла, что заблудилась, что не может сориентироваться, в какой стороне вокзал. Ночная площадь была пустынна. В свете фонаря кружились редкие снежинки. Соня вспомнила, что часто под утро ее будили паровозные гудки, поэтому уселась на чемодан и стала ждать, вслушиваясь в тишину ночного города. Снежинки становились все пушистее, гуще становился снегопад, укутывая Загреб в безмолвие.

Наконец слева донесся паровозный гудок. Подхватив чемодан, Софья свернула налево, и как ручеек выносит бумажный кораблик в реку, так и проулок вывел ее на широкую прямую улицу. Это место было ей знакомо, она уверенно пошла в сторону вокзала, молясь в душе, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из служащих отеля. Через пятнадцать минут она, совершенно продрогшая, уже входила под гулкие своды вокзала.

Зал ожидания был почти пуст. Несколько человек дремали на скамьях, еще двое-трое стояли у кассы. Софья подошла к расписанию. Ближайший поезд отправлялся в шесть утра в Берлин и останавливался в Карлсбаде. И денег на билет до этого знакомого ей городка у нее вполне хватало. Она решила, что это перст судьбы и купила билет до Карлсбада.

На вокзальных часах было десять минут шестого, до посадки в поезд оставалось более получаса. Софья не стала рисковать, в пустом зале ожидания она была как на ладони, вышла на продуваемый всеми ветрами перрон, пристроилась на чемодане с подветренной стороны станционной будки и стала ждать. Снегопад стих, и только ветер крутил поземку, подбрасывая снежинки вверх, словно играя. Софья достала зеркальце, подняла вуаль и сама себя не узнала. Опухшее лицо посинело, глаза заплыли. Она загребла снег рукой, приложила к лицу, жжение немножко утихло, зато любое движение отзывалось болью в груди.

Людей на перроне с каждой минутой становилось все больше. Соня напряженно вглядывалась то в публику, то в мигающие в предрассветном мраке станционные огни. Время, казалось, остановилось. Наконец темноту прорезал яркий свет паровозного фонаря, черная громада в клубах пара с пыхтением и лязгом проплыла мимо нее.

Софья одной из первых вошла в вагон третьего класса и заняла место у окна. В вагоне было светло, тепло и чисто. На жесткий диван напротив села пожилая супружеская чета. Мужчина, по виду мелкий клерк или торговец, едва разложив вещи, уткнулся в газету, а женщина с беспокойством и любопытством поглядывала на Софью. Даже густая вуаль не могла полностью скрыть следы побоев, понимая это, Соня чувствовала себя очень неловко. Она отвернулась к окну, отогнув край шторы, всматривалась в людей, суетящихся на перроне, и ждала сигнал к отправлению.

Время тянулось невыносимо медленно, и ее беспокойство росло. Наконец дежурный в фуражке с красным околышем направился к станционному колоколу, к нему подошла дама, и он принялся что-то ей объяснять. В этот момент в дверях вокзала мелькнул знакомый силуэт: покатые плечи, длинные пряди волос из-под берета... От волнения у Сони пересохло во рту, она с мольбой смотрела на дежурного, все еще разговаривавшего с пассажиркой. Наконец он взялся за веревку колокола, прозвучал спасительный звон, вагон дернулся и медленно поплыл вдоль перрона. Софья гадала, показалось ей, или это действительно был Богдан, и если это он, то успел ли сестра в поезд?

Меж тем небо на востоке начало сереть, состав все быстрее мчал ее к желанной свободе. Соня не знала, где и на какие средства она будет жить. Справится как-нибудь, Бог не оставит ее. Главное, в этой новой жизни не будет Богдана. Больше никогда и никому она не позволит над собой издеваться! Согревшись и успокоившись, она уснула.

Проснулась Софья от того, что кто-то тряс ее за плечо. Перед ней стоял полицейский:

– Ире документе, фрау?[1]

За окном сиял день, поезд стоял на небольшой заснеженной станции. Соня увидела вывеску на немецком языке и поняла, что это граница с Австрией.

– Ваши документы, джя?[2]– повторил таможенник по-хорватски и показал жестом, что надо поднять вуаль.

Понимая, что ее внешний вид не может не вызвать вопросов, Софья догадалась вложить в паспорт купюру. Внимательно пролистав его, проверив билет, таможенник перешел на французский.

– Куда направляетесь? Цель поездки?

– В Карлсбад на лечение, господин полицейский. Я попала в автомобильную аварию. Мой врач порекомендовал клинику в Карлсбаде.

Соседка напротив сочувственно покачала головой, взгляд ее смягчился.

Таможенник медлил, листая ее паспорт, сравнивая Сонино опухшее лицо с фотографией в документе. Наконец, козырнув, вернул бумаги и перешел к следующему пассажиру. Купюры в паспорте не оказалось, и Софья подивилась ловкости его рук, ведь даже она не заметила, в какой момент та исчезла.

На следующее утро, поживаясь от утреннего морозца, Сонечка шла по набережной реки Тепла, любуясь четким узором чугунного парапета на фоне свежевывавшего чистого снега, резными скамейками под пушистыми снежными покрывалами, уютным светом фонарей. Всюду ощущалось приближение Рождества: около дверей отелей, ресторанов, магазинов были выставлены кадки с елочками, украшенными вифлеемскими звездами и блестящей мишурой, на самих дверях висели венки из веток омелы, в окнах красовались готовые вот-вот зацвести букеты барборки[3], в витринах можно было увидеть бетлемы[4] с фигурками новорожденного Иисуса, Девы Марии, волхвов, ангелов. Несмотря на ранний час, улицы не были пустынные, простой люд спешил по своим рабочим местам, у дверей ресторанов и магазинов разгружались повозки с провизией, из булочных уже тянуло ароматом свежей выпечки.

Соня узнавала нарядные фасады домов, хотя набережная в зимнем уборе, без привычной праздной толпы и столиков летних кафе, выглядела совсем иначе. Вот памятный ей отель Рурр. В окнах второго этажа, где летом тринадцатого года размещался их номер, уже горит свет. На минуту Соне показалось, что там, за этими освещенными окнами, сейчас находится вся ее семья: матушка, отец, братья, что стоит только войти в отель, подняться по мраморной лестнице, устланной пушистым ковром, распахнуть двери номера, и она увидит всех своих близких живыми и здоровыми. И все, что с ней произошло за эти годы, окажется сном, она снова попадет в то беззаботное время. Ощущение было настолько ярким, что ноги сами понесли Сонечку к парадному подъезду отеля. Знакомый швейцар, она узнала его по пушистым усам, загородил своей внушительной фигурой вход, глядя на просто одетую женщину сверху вниз. А ведь семь лет назад он угодливо распахивал двери перед нарядной девочкой, которой она была прежде. Софья вернулась с небес на землю, наваждение исчезло.

Она дошла до роскошной колоннады минеральных источников, где уже прогуливались первые отдыхающие с плоскими носатыми поильниками в руках. И опять Соне померещилась фигура матушки. Побежала, догнала женщину, тронула за плечо – на нее удивленно взглянули чужие глаза.

– Извините, ошиблась... – пробормотала Сонечка.

Чувство голода все сильнее сжимало желудок, а денег в кошельке оставалось совсем немного. Ей пришлось уйти с набережной, вскарабкаться по крутой улице, чтобы найти недорогую столовую для рабочих. Сидя за липким от пива дощатым столом в накуренном помещении над тарелкой с кнедниками[5] она размышляла, что ей делать дальше. До начала курортного сезона, да еще без знания чешского языка, вряд ли ей удастся найти работу в этом городе. И затеряться здесь не получится – городок маленький, все жители на виду. Если муж решит обратиться в полицию, то, зная, сколько у нее было денег, не трудно будет вычислить, каким поездом и куда она могла уехать, ведь она сама рассказывала ему о давней поездке в чудесное курортное местечко. Может быть, ее уже ищут? Соня решила, что самое умное будет отправиться в многолюдную Прагу, а самый дешевый способ – добираться на дилижансе или омнибусе. И через несколько часов она уже шагала со своим чемоданом по сказочным улицам рождественской Праги.

Завороженная волшебной красотой средневекового города, веселой предпраздничной суетой, любуясь разноцветными огоньками, фигурками ангелов и чертиков в окнах, нарядными

витринами магазинов и лавочек, Соня почти забыла, что в кармане пусто, ночевать негде, обратиться за помощью не к кому, она верила, что в этой сказке найдется чудо и на ее долю.

Софья увидела приоткрытые двери костела, зашла погреться. Народу внутри было немного, и она присела на краешек скамьи. Слева, под разноцветным круглым витражом мерцали свечи, каждая в низком стеклянном стаканчике. В стрельчатых нишах поблескивали позолоченные деревянные скульптуры Иисуса и Девы Марии. Смолк величественный орган, и под сводами костела зазвучал детский хор. Чистые нежные голоса, казалось, уносили душу ввысь, к Богу. Забыв, что она не в православном храме, Софья, вытирая слезы, молилась искренне, горячо.

Выйдя из костела, наша путешественница побрела дальше, куда глаза глядят, а точнее, туда, откуда дразняще пахло жареными колбасками, и вскоре очутилась в самом сердце Праги, на Староместской площади. Здесь веселье было в разгаре: под музыку кружилась расцвеченная огоньками карусель, дети с гомоном катались с обледеневшей деревянной горки, торговцы зывали публику к прилавкам киосков, заваленным сувенирами, пряниками, конфетами.

Внимание Сони привлек похожий на сказочную избушку ларек, весь увешанный марионетками, под карнизом которого болталась целая стайка ведьмочек на метлах. Ветер раскачивал их, и, казалось, они действительно куда-то улетают. Из киоска выглядывала продавщица, удивительно похожая на одну из них. Сонечке стало весело, как в детстве.

Рыжий парень в белом фартуке и нарукавниках варил и разливал в кружки горячий грог, ароматный пунш. Недостатка в покупателях у него не было, только успевай поворачиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.